

*Стоят времена, исчезая за краешком
Мгновенья. Всё так же тонка эта грань.
Борис Пастернак*

МАРКШЕЙДЕР КОЖИН (август 1823 года)

Небо, напряжённо замерло неподвижным синим куполом над иссушённой зноем степью; солончаковая, растрескавшаяся земля страдала, утомлённая зноем. Возле солёного озера Бечик расположилась деревня Шонгулех – беспорядочно разбросанные, покрытые соломой, дома числом не более двадцати. Невдалеке виднелось море – голубоватого, также заморённого солнцем цвета. Море было ровным, словно это было тоже озеро, но гораздо большее размером, чем Бечик.

Маркшейдер Алексей Никитов Кожин, крепкого телосложения, невысокий человек, сидел за столом в крайнем от озера доме, который снял на неделю у хозяйки, Марьяны Порывай, чтобы выполнить поручение генерал-губернатора. Дело касалось добычи местным населением нефти – «земляного масла», выходящего на поверхность земли. Кожин всё выяснил, и теперь писал донесение на свитке, страшно потея в духоте и страдая от мух, от которых, как могли, спасали его два подчинённых, прибывших вместе с ним – Иван Волк и Мишка Астапов.

Перо было старым и размахрённым, чернила загрязнились, Алексей Никитов был приучен к аккуратности в письме, потому нервничал. Тусклое оконце слабо пропускало свет, и это также раздражало Кожина.

«На земле, принадлежащей к деревне Шонгулех, недалече от солёного озера Бечик, есть колодези, углублённые от двух

до четырёх сажень отвесно, по глинам и супескам до рухляков, налитых нефтью, которую здешние жители откупают у владельцев земли и добывают следующим образом: коль скоро углубление колодца достигнет воды, поверх которой приметно будет плавать нефть, тогда укрепляют стены оного камнем, прикрывают от испарения отверстие и через сутки получают нефть посредством войлоков, которые опускают на верёвке, или прикреплённым конским хвостом на шесту деревянном, в колодезь; потом их окунают в нефть и поднимают наверх. По взятии их каждый раз выжимают нефть в приготовленную для собрания сего посуду, и сие продолжают до тех пор, покуда не останется чистая вода. От собранной же нефти отделяют воду спуском её снизу, после чего остаётся чистая нефть. Получается же оной с каждого колодезя, полусаженно квадратной площади, от трёх до десяти фунтов в сутки, и продаётся вольно-покупателям ценою от четырёх до девяти копеек за фунт».

Кожин почувствовал, что кто-то посторонний вошёл в помещение, он отёр от пота курносое, щекастое лицо и поднял голову от свитка. Он увидел Марьяну, – молодую женщину в холщовом платке, повязанном низко, по самые глаза, в холщовом же, сером платье, и в грязноватом переднике, туго перетягивавшем тонкую талию. Марьяне двадцать два года, она была замужем, но муж, по разрешению помещика Самсонова, два года, как ушёл в город на заработки и вестей не подаёт, хотя город всего в тридцати пяти верстах от Шонгулеха, – умер он или нашёл себе другую женщину, непонятно, – Марьяна считает себя свободной и не скрывает этого; таких, как она, больше половины деревни. Дети́ми муж её не осчастливил, – не захотел или не смог, – Марьяна живёт одна, и это одна из причин, по которой Кожин снял у неё дом, он не любил, когда ему мешают заниматься делами. А дел он совершил немало, – открыл несколько месторождений каменного угля и железной руды.

Кожин спешил закончить донесение, чтобы ранним утром, до жары, отбыть в обратный путь.

– Чего тебе, Марьяна? – спросил он.

Марьяна не отвечала, только смотрела на Кожина отменно чёрного цвета глазами; такого цвета и такой формы глаза имеются у коренной местной породы, сложившейся в веках из переплётения множества южных национальностей, перечислять которые долго.

Он понимал, чего хочет Марьяна. Кожин с подчинёнными спали в доме, Марьяна – в сараюшке, вместе с овцами, отделив от загона небольшой закуток. Алексей пришёл к ней в первую же ночь, и Марьяна приняла его; она знала, что он придёт и приготовила кувшин прохладного терпкого вина из погреба. Она любила его четыре ночи подряд, жадно и старательно. Кожин уже далеко не молод, лет ему под сорок, но Марьяна имела на маркшейдера свои виды, возраст и внешность для которых не помеха, было нетрудно догадаться о том, что она замыслила.

– Не мешай, – сказал Кожин, поморщившись, и продолжил писать.

«Неравенство добычи нефти происходит от теплоты и холоду, – в первом случае её бывает менее (вследствие испарения), в последнем – более. Употребление сей нефти, здесь следующее: на смазку повозок, на освещение, на лекарство скотов и прочее. Нередко очищают нефть перегонкою и доставляют внутрь России.

На земле, принадлежащей городу, также имеются нефтяные источники, из которых с выгодой можно бы получать нефть и составить Государственный доход, – Кожин специально написал «Государственный» с заглавной буквы, чтобы тот, кто будет читать, обратил внимание на этот факт, – ибо через большое изъятие нефти легко может получить она сбавочную цену, поводом чего обратятся местные жители к покупке оной, особливо на смазку своих азийских повозок, которые без подмазки делают пронзительный и отвратительный скрип».

– Пить хочу, – сказал Кожин, – дайте пить.

Иван Волк, мордатый детина с чёрными усами, подал ему глиняный горшок с мутноватой водой, она имела горьковатый привкус и совсем не утоляла жажду; с водой в Шонгуле было плохо. Марьяна молча протянула Кожину кувшин с вином, который предусмотрительно держала за спиной, но Кожин вина пить не стал, это выглядело бы вниманием и благоволением к этой женщине, которые сейчас, перед отъездом, были недопустимы, поскольку оставляли надежду.

Кожин допил невкусную воду из глиняного горшка и сказал Марьяне:

– У меня четверо детей, все девки, старшая уж невеста.

– Я тебе парня рожу, – пообещала Марьяна.

– Девки, парни, какая разница, – махнул рукой Кожин и опять отёр пот с лица, – всё равно кормить.

«Да и не имея настоящей льготы, при том очищенная нефть везде годится для технических употреблений и, сверх сего, много других достаточных требований сего минерала, который, как по здешнему краю, так и в России, да и на противоположном берегу Чёрного моря – в Анатолии, с давних времён уже в употреблении. При том же партикулярная и владельческая промышленность нефтью, по праву законов, подлежала бы Акцизу».

Алексей тяжело вздохнул, рассеянно поглядел на Марьяну, словно не видя её, он был сосредоточен, не хотелось чего-то пропустить в донесении, исправлять потом будет негоже, придётся документ переписывать.

Можно было добавить сведения об озере Бечик. В озере этом имеется целебный ил, им, по совету Марьяны, Кожин несколько раз мазал поясницу и колени, постоянно болевшие; теперь они болеть перестали. Но Кожину не хотелось, чтобы донесение имело хоть какое-то отношение к Марьяне и указывать данные о целебной грязи он не стал.

– Если я парнем затяжелела, позволишь его записать Кожиним и Алексеевичем по отчеству? – спросила Марьяна.

Кожину хотелось, чтобы Марьяна поскорее исчезла, в возможность тяжести её он верил слабо, не беременела же она два года, пока жила с мужем. По любому, этот вопрос был ему ничуть не интересен, поэтому Кожин, туго сворачивая свиток с донесением, сказал, даже не Марьяне, а всей этой убогой, высушенной солнцем, деревне, в которую попал случайно, и где вновь появляться не имел ни малейшего желания:

– Что хотите, то и делайте.

Когда рассвело, гости уехали; проводив их, Марьяна вернулась в дом, хотелось плакать, но она не плакала, понимая, что это бессмысленно, только долго глядела на кувшин с вином, стоявший на столе в тусклом свете свечи, было жаль, что Кожин так из него и не отхлебнул.

Довольно скоро Алексей Кожин и его спутники выехали к морю, на песчаную косу, по которой шла дорога на город; они оказались по другую сторону озера Бечик, деревня, освещённая восходящим солнцем, была видна отсюда, как на ладони. Кожин вдруг остановил коня, Волк и Астапов удивились, но спрашивать начальника, в чём дело было неудобно. Глядя

на Шонгулех, Кожин неожиданно ощутил томление и боль в сердце, так бывало, когда он чувствовал, что что-то сделал не так, как нужно, о чём будет потом жалеть. Ему захотелось вернуться, исправить ситуацию, но к возвращению не было реальной причины, выглядело бы оно странно.

Этот ненужный порыв маркшейдер Алексей Никитов Кожин быстро в себе подавил, и путь к городу был продолжен.

МАСТЕР БУРЕНИЯ ЛЮДВИГ КРАУЗЕ (1907–1914 годы)

Два брата отца Людвиг Краузе были протестантскими священниками, отцу его – Францу очень хотелось, чтобы сын пошёл по их пути, но восемнадцатилетним юношей Людвиг, совершенно случайно, оказался полезным кёльнскому предпринимателю-буровику Эммануэлю Прзибилле, который разбуривал в это время соляной источник. Людвиг, освоивший слесарное дело на предприятии отца, предложил Эммануэлю идею усовершенствования долота «рыбий хвост», предложение заключалось в том, чтобы отогнуть лезвия лопастей бурового инструмента в сторону вращения. Идея молодого человека Прзибилле понравилась, и он пригласил изобретателя в своё дело.

Людвиг Краузе усовершенствовал и развил технологию глубокого бурения. Он запатентовал в 1894 году «Быстроударный буровой кран № 7», который использовался для бурения скважин на глубину до 340 метров и был применён в Эльзасе. Какой конструкции и мощности были дальнейшие изобретения Людвиг Краузе, неизвестно, но к 1906 году, когда Краузе попал в Шонгулех, он был уважаемым и авторитетным в Германии мастером бурения. Европа наполнилась слухами о Шонгулехе и возможности разбогатеть на нефти, которая выходит буквально на поверхность земли и кажется более, чем доступной. Там пробовали свои силы Братья Нобель (Людвиг, Роберт и Альфред), американец Гоуэн, француз Партель, бакинские нефтепромышленники Кванстрем и Зильберман.

В 1906 году Людвигу Краузе было тридцать восемь лет, он находился в расцвете своих инженерных и духовных сил, чувствовал себя уверенно. Он был женат третьим браком на красавице Софи, которая была младше на шестнадцать лет. Первая жена, Марта, умерла, со второй, Розалией, он развёлся. Для богобоязненной, целомудренной Германии

конца XIX века три брака, заключённые в течение десяти лет, это явно много.

Внешне Людвиг Краузе выглядел старовато: повисшие кайзеровские усы, пенсне на костистом носу, худощавая фигура со впалой грудью, ранняя седина, но своей неуёмной энергией он заставлял забыть о внешнем виде.

Он имел способности к усвоению иностранных языков: на английском говорил так же хорошо, как и на родном немецком, русский выучил удивительно быстро; поняв, что некоторые диалектизмы могут помочь в производственной деятельности, овладел заодно искусством русского мата, который применял редко, но всегда к месту.

Акционерная компания «Общество бурения Людвиг Краузе в России», намеревалось пробурить, как минимум, четыре глубокие скважины на Шонгулехе, оборудование пришло морем в разобранном виде.

Земли под разведочное бурение, в том числе, юго-западную часть озера Бечик, под водами которого также предполагались залежи нефти, были арендованы у помещицы А. И. Черкасовой сроком до 1941 года. Разве мог представить германский подданный, что будет происходить в этих местах в 1941 году?

Людвиг Краузе знал, что в России чиновники имеют привычку брать взятки, и получил возможность столкнуться с этим уродливым явлением вплотную. Он поехал в контору уездного города для оформления документов на арендованную землю. Город был знаменит тем, что там родился, прожил жизнь и недавно умер всемирно известный художник-маринист. У Людвиг Краузе не было времени на то, чтобы интересоваться живописью, но Софи никогда не простила бы ему того, что он имел возможность, но не посетил дом знаменитого мариниста.

Вдова художника была жива, – восточной внешности женщина, лет пятидесяти, с удивительной красоты глазами. Людвиг Краузе поцеловал ей руку, промямлил слова восхищения талантом её гениального мужа, но картины смотрел невнимательно, потому что все мысли его были в тех бумагах, которые предстояло подписать в уездной конторе. Он торопился, времени было в обрез, правление акционерного общества требовало решительных действий, акционеры грезили дивидендами к акциям.

Размер взятки, которую с него потребовал высокий чиновник, весьма впечатлил Людвига Краузе, но платить пришлось, потому что иного выхода не было. Тем не менее, он нашёл нужным заметить о значительности её размера.

Начальственная особа в ответ улыбнулось снисходительно и сообщила:

– В прошедший год меньше было, нынче – неурожай в уезде.

Местность на Шонгулехе имеет заметный уклон к озеру Бечик, в самом начале уклона геологи посоветовали Людвигу Краузе заложить первую скважину. Мастер бурения дал команду монтировать буровую установку на этой точке: сооружать деревянную вышку, лить фундаменты под оборудование и так далее. В начале октября 1907 года скважина была успешно забурена, а к 25 октября она достигла глубины 26 метров.

Людвиг Краузе, уезжая из Германии в Россию, распisał своим подчинённым по пунктам, когда и какие материалы ему потребуются, но что-то в системе снабжения компании не сработало, и обсадные трубы вовремя не поступили. Дальнейшее углубление скважины было приостановлено, оно выглядело бессмысленным: синевато-серая глина склонна к набуханию и ствол скважины, не обсаженный колонной, неминуемо заплывал.

В Шонгулехе к Людвигу Краузе быстро привыкли, он был отличный организатор, правда, временами нервный; не терпел лень, пьянство и плохую работу. Остановка бурения была ему крайне досадна, погоды установились самые подходящие: жара отошла, а дождей ещё не было, стояла замечательная, тёплая поздняя осень, Людвиг садился на любимую лавочку возле кузницы, закуривал трубку и глубоко задумывался. Никто не знал, как ему одиноко в этой непонятной стране со странными людьми, которые, то работали, как звери, то дико напивались. Софи писала аккуратно раз в неделю, но Людвигу хотелось получать от неё письма гораздо чаще. Наконец, пришло долгожданное сообщение о том, что родилась Антуанетта. Людвиг Краузе, в общей сложности от трёх браков, стал отцом пятерых детей – двух мальчиков и трёх девочек. Детей нужно было обеспечивать, об этом Людвиг думал постоянно.

Простой в работе его удручал, он слал в Германию одно сообщение за другим, требуя немедленно отгрузить трубы сразу

для скважины № 1 и № 2, чтобы исключить дальнейшие простои. Как только он получил известие о том, что партия труб находится в порту Киля и в ближайшее время будет погружена на судно, – дал команду на начало бурения скважины № 2, буровая установка под которую была смонтирована заранее и располагалась в восьмидесяти пяти метрах от скважины № 1 в северном направлении.

Бурение было начато 5 декабря 1907 года, к 20 декабря глубина скважины достигла 44-х метров. Когда пришли трубы, скважина была обсажена надёжной колонной диаметром 26 дюймов. К 17 марта 1908 года скважина достигла глубины 131 метр, отмечалось слабое выделение газов.

В скважине № 1, простоявшей четыре месяца, обнаружилась нефть, её появление весьма обрадовало Людвига Краузе, поскольку германским акционерам компании хотелось реального подтверждения эффективности вложенных ими денежных средств.

Для того, чтобы добыть нефть, появившуюся в скважине № 1, требовалось провести тартальные работы желонкой. Людвиг Краузе был горд тем, что придумал желонку с шаровым клапаном (традиционная конструкция желонки имеет клапан тарельчатый). Ящик с желонкой прибыл вместе с обсадными трубами, Людвиг Краузе был так занят хлопотами сразу по двум скважинам, что вскрыть ящик по его прибытии не нашёл времени.

Он вскрыл ящик и был сражён тем, что увидел: желонка была изготовлена великолепно, даже покрашена, но внешний диаметр её не соответствовал требуемому. Такая желонка просто не влезала в скважину.

Говорить о том, что у Людвига Краузе так и не нашлось близких друзей в Шонгулехе, было бы неправильно, потому что один друг был – кузнец Василий Кожин. Кузница находилась неподалёку от скважин, так получилось случайно, но это было большой удачей. Василий Кожин, внешнестью напоминавший средних размеров медведя, обладал не только талантом кузнеца, но и слесаря, пайщика, медника и ещё многими другими; лучшего человека для решения проблем, которые постоянно возникали при производстве буровых работ, придумать было невозможно. Как большинство людей, обладающих большой физической силой, Василий Кожин был добр

и участлив, он глубоко проникся одиночеством Людвига Краузе в чужой стране:

– Живёт человек без бабы, без детей, разве ж так можно? – делился он впечатлениями о мастере с товарищами, сокрушённо качая при этом патлатой головой.

Когда Людвига Краузе постигла неудача с желонкой, он немедленно бросился в кузницу. Как всегда, когда он бывал в сильном волнении, Людвиг Краузе говорил по-немецки, вероятно произносил при этом много грубых слов, потом, для лучшего понимания, переходил на русский мат.

Василий Кожин отложил в сторону кувалду, снял брезентовый фартук, который стеснял движения, и стал ждать, пока мастер объяснит в чём причина его волнения. С русским языком у Людвига Краузе ситуация обстояла вполне нормально, но он не произносил мягкий знак, игнорировал его, в результате получалось примерно так:

– Васка, это же безобразие! Так не должно быть!

Василий был русским человеком и мог допустить всё, что угодно, даже то, что по готовым чертежам можно сделать желонку неверного диаметра.

Людвиг Краузе взял кусочек мела и мигом изобразил на стене кузницы чертёж желонки, линии были идеально прямыми, а окружности столь правильной формы, словно был применён циркуль.

– Я есть дриллинг профессор, – сказал Краузе.

Василий Кожин изготовил желонку за один день, тартанием в скважине № 1 было добыто около трёх тонн нефти, потом пошла вода, и работы прекратили. Людвиг Краузе был удовлетворён не столько количеством нефти, сколько её принципиальным наличием в Шонгулехе: одно дело слышать о ней с чужих слов, другое – убедиться лично.

Углубление скважины № 1 было продолжено, и к 10 июня 1908 года она достигла глубины 405 метров, после чего случилась авария – обрыв бурового инструмента, ликвидация аварии была связана с большими финансовыми затратами, поэтому работы по скважине больше не возобновлялись.

Неудача расстроила Людвига Краузе, но не сломила его уверенности в том, что он добудет «большую нефть Шонгулеха». Теперь вся надежда была на скважину № 2. К 10 июня 1908 года она достигла глубины 195 метров, – сильное выделение газов и первые следы нефти в виде плёнки. Людвиг

Краузе знал, что, когда скважина обильно выделяет газ, с дальнейшим углублением спешить нельзя, можно получить нефтегазовый выброс. До 7 июля Краузе выжидал, не давая команды на продолжение бурения.

К 9 февраля 1909 года скважина № 2 достигла своей окончательной глубины 537 метров, далее бурение не производилось. В 1912 из неё было добыто тартанием 16 тонн нефти, на что затрачено много времени и физического труда.

Несмотря на явное фиаско Акционерной компании «Общество бурения Людвиг Краузе в России», были изысканы средства для бурения ещё двух скважин. Но углубление скважины № 3 (июнь 1909 года – сентябрь 1909 года) при забое 351 метр было прекращено из-за аварии.

Скважину № 4 (январь 1910 года – сентябрь 1912 года) можно считать наиболее удачной из пробуренных Людвигом Краузе в Шонгулехе, на глубине 558 метров был выявлен нефтяной песок с обильной нефтью.

В 1914 году, когда Людвиг Краузе уже покинул Шонгулех и вообще Россию, скважина № 4 давала до 24 тонн нефти, периодически выбрасывая её фонтаном дважды в сутки. Каким образом контролировала работу этой скважины Акционерная компания «Общество бурения Людвиг Краузе в России», установить трудно: началась Первая мировая война, в которой Россия и Германия были противниками.

Людвиг Краузе умер в возрасте семидесяти пяти лет в августе 1943 года в Германии, когда у власти там были фашисты, как он относился к ним, и вспоминал ли Шонгулех, неизвестно.

ПОСЁЛОК НЕФТЕПРОМ (1961–1964 годы)

1

За время существования посёлка Нефтепром произошло два заметных события: эпидемия, унёсшая жизни восьми его жителей, и небольшое землетрясение, которое привело к частичному разрушению домов.

Стране, после окончания Великой Отечественной войны, остро требовалась нефть, Самотлор ещё не был открыт, запасы нефти в Поволжье оказались не столь значительными, как ожидалось, поэтому были выделены средства на разведку новых и восстановление уже известных месторождений.

Шонгулех числился в перспективных, поэтому неподалёку от старой деревни появился посёлок геологов Нефтепром. В посёлке была построена двухэтажная школа-десятилетка, контора Управления, мастерские, медпункт, Дом культуры и отдыха, жилые дома.

Попасть на работу в новое предприятие считалось большой удачей, буровому мастеру Григорию Селивёрстовичу Кожину это удалось благодаря тому, что он родился в Шонгулехе. Его семье было выделен небольшой дом. Жена Кожина, Прасковья Петровна, которую уже тогда, в сорок четыре года, звали бабой Пашей, посадила на участке перед домом помидоры, огурцы и другие овощи. Посадила и несколько деревьев, но Кожин безнадёжно махнул рукой на эту затею, он знал, что в здешних местах ничего порядочного не вырастает. Детей в семье было двое: сын Виктор и дочь Наташа.

Баба Паша отличалась крайней сварливостью, есть женщины, в которых с ранних лет заложено это свойство, с годами оно усугубляется. Переезд в посёлок Нефтепром категорически не понравился ей, она слышала от кого-то, что Шонгулех – место проклятое, там под землёй закопаны живьём черти, нефть – их злая кровь, людей, которые попытаются добывать нефть, ждёт беда.

Ещё в раннем детстве, Григорий слышал об этих глупостях, но не верил им. Нефть в нескольких местах выходила на поверхность, вокруг деревни пахло нефтью, жители к этому привыкли, но чертей никто никогда не видел. Деревня была глухая, почва солончаковая, безжизненная, когда Кожину было шесть лет, семья переехала в Кенгез – село намного большего размера, чем Шонгулех, там отцу Григория удалось устроиться чабаном. Село Кенгез вскоре переименовали в честь революционера Карла Либкнехта, в Либкнехтовку, выговорить это слово возможным не представлялось, и его называли Лохматовкой.

Григорий окончил семь классов, больше возможностей не было: отец часто болел, Григорий стал работать чабаном вместо отца. У Григория не было левого глаза, выбили в детстве, когда играли «в чижа», кусочек дерева – «чиж» попал ему в глаз остриём. По этой причине в армию его не взяли, он и при немцах продолжал пасти овец.

Территория, где он жил, была оккупирована через полгода после начала войны, кто-то донёс, что родственники Григория

служат в Красной армии, и его расстреляли возле специально вырытого для этой цели рва. Всего, вместе с ним, было расстреляно восемнадцать человек. Тот немецкий солдат, который должен был убить Григория, выстрелил мимо, видно, не захотел брать грех на душу. Кожин повалился в ров, на него упали окровавленные тела, ночью он выполз из-под них. Степь вокруг была пустынной и безжизненной, летом огненное солнце сжигало всё вокруг, замерший воздух, густой и вязкий, осязаемо струился жаром. Зимой – дули пронизывающие северо-восточные ветры, одиноко и бесприютно выла метель, нигде не найти было тепла. Кожин почти год скитался, боясь приближаться к посёлкам, занятыми немцами, сходил с ума от голода, воровал ночами картошку с полей, ловил в море бычков на самодельную закидушку, ночевал в землянке в старой каменоломне, едва дотерпел до прихода советских войск.

В Шонгулехское управление разведочного бурения Кожина приняли буровым мастером, хотя, кроме двухмесячных курсов, он нигде на буровика не учился, нахватался знаний, наблюдая за опытными людьми. Кожин отправлялся на буровую ранним утром, а возвращался, – если не оставался ночевать там, – когда уже темнело. Труд буровика тяжёлый, – всё вручную, грязно, опасно, – немногие соглашались на эту работу, попадалось много людей, отбывших срок заключения. Управлять таким коллективом было сложно, когда вахта напивалась, Кожин сам становился за тормоз вместо бурильщика, чтобы не останавливать процесс; выгонять кого-то не решался, замену найти было трудно. Жаловаться начальству Кожин не любил, никакой пользы эти жалобы принести не могли.

Пробуривав три скважины, нефти Кожин так и не получил, спасти положение прибыл из краевого центра геолог Войченко – пожилой человек с седой бородкой, в очках.

Стояло лето, июль, время тяжёлое. Днём железо нагревалось так, что невозможно было взяться рукой, воду для бурения возили машинами, которые постоянно ломались, вода была солоноватая, буровой раствор из неё получался плохой, – загустевал, «варился», Кожин кричал на лаборанток, лаборантки плакали, но ничего сделать не могли.

В жилом вагончике Кожина дышать было невозможно, летали мухи и кровожадные слепни огромного размера, после чьих укусов появлялась красноватая опухоль, которая долго болела.

Войченко расстелил на столе карту и спросил Григория:

– Вы давно в этих местах?

– Я здесь родился.

– Это замечательно, – обрадовался геолог, – слышали о Людвиге Краузе?

– Слышал от брата отца, дяди Васи. А кто это, Краузе?

– Это опытный специалист, он пробурил на Шонгулехе четыре скважины, вот они, на карте, видите?

– А что это за линия между них проведена?

– Это предполагаемый разлом, – нарушение сплошности горных пород. По моим наблюдениям именно в разломах надо бурить, чтобы получить нефть. Вот видите: скважина номер четыре Людвиг Краузе, самая продуктивная из его скважин, стоит как раз на разломе. Разломы состоят из однотипных тектонических деформаций. В этих трещинах и находится нефть.

Геологу хотелось, чтобы Кожин своими практическими наблюдениями подтвердил его правоту, но Григорий с трудом понимал то, что пытался втолковать ему мудрёными словами геолог.

– Нанесите на карту сорок пятую, сорок шестую и сорок седьмую скважины, которые вы пробурили, – попросил Кожин, – тогда понятней будет.

Кожин поставил карандашом одну жирную точку, потом – другую, потом – третью. Впереди них, но почти попадая на линию, оказалась скважина номер четыре Людвиг Краузе.

– Где, по-вашему, нужно бурить следующую? – спросил Войченко.

Кожин взял карандаш и поставил точку позади скважины Краузе, но посередине между сорок шестой и сорок седьмой.

– Сейчас вы бурите пятьдесят третью, она вот тут, – Войченко ткнул карандашом в районе скважины Краузе номер два.

– Она будет пустой?

– Думаю, да. Я говорил об этом главному геологу вашего управления, но он настоял на бурении.

– Получается, я напрасно мучаю людей?

– Скорее всего.

Войченко остался ночевать у Кожина. Поужинали, выпили водки, легли спать. Уже в темноте, чувствуя, что Войченко не спит, Кожин спросил:

– Николай Павлович, только не удивляйтесь тому, о чём я спрошу. Может, земля-то обижается на то, что мы забираем у неё нефть? Может, она живая, как человек?

Войченко вздохнул и ответил не сразу:

– Не исключено, но это скорее философская, чем геологическая проблема, здесь я специалистом не являюсь, поэтому судить не могу.

2

Вдоль моря, в сторону города, тянется двухкилометровая песчаная коса, на неё ночью, особенно когда штормит, море выбрасывает много рапанов. Наташе нравились эти чудесной красоты ракушки, ранним утром она ходила на косу и собирала их. Ходить надо было рано, позже рапанов смывало назад в море. Отец и старший брат Наташи – Виктор, любили рапанов не за красоту, – они отваривали их в солёной воде, извлекали внутренности и тушили на сковороде с луком. Наташа не представляла, как можно есть рапанов, хотя они, вполне возможно, и вкусны.

Наташе нравилось в Шонгулехе, хотя её подруга Лариса, дочь главного инженера конторы бурения, которая училась с ней в одном классе, говорила: «Мы живём в дыре, на краю света». Наташе не считала Шонгулех дырой, здесь красиво, особенно осенью, и есть море. Разве многим людям так везёт: жить на берегу моря?

Однажды Наташа увидела, что навстречу ей, идёт человек, иногда он наклоняется и поднимает что-то с песка, наверное, тоже собирает рапанов. Наташе не пришло в голову, что этот человек может сделать ей что-то плохое, чужих здесь нет, жителей деревни Шонгулех и посёлка Нефтепром она знала в лицо. Как у всех молодых людей, у Наташи была уверенность в том, что в её жизни всё будет хорошо. Эта уверенность помогала ей жить беззаботно и счастливо.

Человеком, который шёл ей навстречу, оказался Миша Марков, он недавно приехал в Нефтепром по распределению после окончания института, и работал в конторе, в геологическом отделе. Наташа не была с ним знакома, но этот парень ей нравился, хотя и был старше на шесть лет.

Сделать высокомерное лицо и молча пройти мимо, Наташа посчитала странным, зачем обижать человека, вполне

возможно, что он хороший. Когда они встретились, Миша протянул Наташе очень крупного, красивого рапана и сказал:

– Тебе!

И вдруг Наташа догадалась, что этот парень не случайно оказался в такую рань на косе:

– Ты знал, что я тут гуляю по утрам?

– Знал, – признался парень, – давно хотел с тобой познакомиться, но не знал как.

– Ты хотел со мной познакомиться, потому что я тебе нравлюсь? – Наташе хотелось сразу определить характер взаимоотношений.

– Да. Разве это плохо?

– Не знаю, мама говорит, что мне рано встречаться с мальчиками. А когда не рано? В двадцать? Кто, вообще может определить, когда рано, а когда нет? Мама вышла замуж в двадцать семь, считает, что очень поздно.

– У тебя странная мама, я её знаю, она в медпункте работает.

– Да, она строгая, но я её люблю. А ты геолог? Правда, что здесь бывают землетрясения?

– Да, эта зона считается сейсмически опасной.

– Мама говорит, что Шонгулех – проклятое место, здесь закопаны живьём черти, а когда здесь начнут добывать много нефти, будет землетрясение.

– Ну, это глупости, – засмеялся Миша, – землетрясений в этих местах не было никогда, ну, может быть, сто миллионов лет назад. Я читаю литературу и расскажу тебе.

– Ты считаешь, нам стоит встречаться?

– Думаю, что да.

– Но я ведь ещё маленькая, намного моложе тебя, тебе будет со мной неинтересно. Тебе жениться надо.

Миша смутился.

– Ты же сама сказала, что никто не знает, когда рано, и когда поздно. А мне, кстати сказать, ещё не хочется жениться.

– Да уж, на ком тут жениться в нашей дыре. Ты ведь из Москвы прибыл? Что, не нашёл ничего лучшего?

– Я специально выбрал Шонгулех, мне кажется, что начинать работать надо в отдалённых местах, а не в столице.

Молодые люди стали встречаться и гулять ранним утром по песчаной косе, никто не знал об этих встречах, баба Паша иногда с подозрением смотрела на чересчур оживлённую

после утренней прогулки дочь, но спрашивать напрямую не решалась, чтобы не обидеть понапрасну.

Пройдёт совсем немного времени, каких-то лет пятьдесят, и пенсионер Михаил Николаевич Марков, гуляя в сквере возле метро «Проспект Вернадского» в Москве, будет вспоминать эти утренние встречи на краю света с девушкой, в которую он был тогда влюблён, сожалеть о трагической судьбе Наташи и поражаться удивительно точным пророчествам её матери относительно печального будущего посёлка Нефтепром.

3

Виктора Кожина призвали в армию, он получил повестку. Ничего особенного в этом не было, все служили в армии, считалось позорным не отдать священный долг Родине. Но Виктору в армию не хотелось, он и сам не знал почему. Он не боялся армейских трудностей, строгая мать приучила его, также, как и младшую сестру, к труду, к домашним обязанностям, которые они выполняли, даже в ущерб учёбе. Виктор смотрел за овцами и убирал во дворе, Наташа занималась огородом и курами. Родителям было некогда: отец постоянно на буровой, мать – в медпункте. Матери – толстой и неповоротливой, было особенно трудно; придя с работы, она ложилась на кровать и обессиленно замирала, – то ли спала, то ли теряла сознание. Дети ходили на цыпочках, чтобы её не тревожить.

Виктор хотел стать буровым мастером, как отец, он бывал у отца на буровой, и ему там нравилось. Его привлекала работа в геологоразведке, – искать и находить нефть казалось ему интересным. Труд это тяжёлый, но, наверное, из-за этой тяжести, отношения между людьми были простыми, искренними и почти братскими. Для Виктора это казалось особенно важным. После окончания школы он решил поступать в московский институт нефти и газа, готовился к экзаменам, но в марте ему исполнилось восемнадцать, а вступительные экзамены были в июне.

Григорий Селивёрстович весьма приветствовал желание сына стать буровиком, жаль было отпускать его в армию, но ничего не поделаешь, никаких отсрочек быть не могло. Баба Паша восприняла ситуацию трагически, она сказала мужу:

– Его там убьют.

Обычно невозмутимый Кожин не на шутку расстроился и закричал:

– Ты совсем сдурела! Война давно кончилась, сейчас в армии никого не убивают! Ничего с Витькой не случится, отслужит, как положено, вернётся, будет у меня на буровой помбуром работать, потом поступит в институт. Замолчи со своими глупостями, слушать не хочу.

Но баба Паша повторила:

– Его там убьют, – после чего зарыдала горько и безудержно.

Бабу Пашу называли ведьмой, Кожин об этом знал, в душу его вползла тревога, но он постарался забыть о ней.

Виктор Кожин имел все необходимые качества для того, чтобы прожить успешную, счастливую жизнь. Он был трудолюбив, целеустремлён, скромен, но не настолько, чтобы позволять собой помыкать; решителен, но умел вовремя остановиться и задуматься, правильно ли поступает. Он смог бы продраяться сквозь джунгли жизненных передряг, окончить институт, сделать карьеру, стать главным инженером или даже начальником Управления буровых работ; не обязательно в Шонгулехе, быть может, на Крайнем Севере или в Западной Сибири, в которой как раз бы застал большой разворот по разведке и добыче нефти и газа. Жениться на женщине, которую любил, создать крепкую, дружную семью.

Жаль, что эти прекрасные перспективы оказались нереализованными по причинам от Виктора Кожина не зависящим, они выстроились в крепкую безжалостную цепь в тот сентябрьский день, когда Виктор Кожин погиб. Ни один человек не может противостоять судьбе, если она, непонятно почему, вдруг решила погубить его, словно забавляясь своей неотвратимостью.

Всё началось с того, что заместителю командира полка подполковнику Ахметгарееву срочно потребовалось доставить на железнодорожную станцию шесть бочек с дизельным топливом. Два бронетранспортёра, которые он отправлял на учения, были уже погружены на платформы, и подполковник решил подстраховаться, отправив дизтопливо вместе с ними, из опасения, что заправить их в первые дни по прибытии на учения не удастся.

Сопровождать бочки и контролировать их погрузку Ахметгареев поручил старшему лейтенанту Лучинскому; контроль этот был чрезмерен, поскольку на железнодорожной станции

постоянно находился ответственный за погрузку бронетехники и комплектующих к ней, офицер из части.

Бочки загрузили на бортовую машину, но загрузили неправильно, их следовало поставить «на попа» и расположить в кузове не возле заднего борта, а подкатить к кабине и закрепить верёвками, чего не было сделано из-за безалаберности и лени грузивших.

Постоянным водителем бортовой машины был ефрейтор Бормотов, но накануне ефрейтор получил увольнительную и, гуляя по городу, с жадностью съел, одно за другим, пять порций эскимо на палочке. Бормотов не слишком любил мороженое, но хотелось получить какое-то удовольствие от увольнения в город, пить вино он опасался, за это могли строго наказать; он решил съесть мороженое, но съел его чересчур много, в результате чего заболел ангиной и слёг с высокой температурой. Начальник автослужбы, не имея выбора, приказал сесть за руль бортовой машины рядовому Курбанову, который был водителем неопытным.

Для разгрузки бочек на железнодорожной станции назначили рядового Дубинина, и он был готов ехать, но в самый последний момент у него прихватило живот, он побежал в туалет и находился там так долго, что Лучинский, устав ждать, решил найти кого-то другого. Виктор Кожин сидел в Ленинской комнате, решив в «личное время» написать письмо родителям. Заглянул в Ленинскую комнату, Лучинский коротко приказал:

– Кожин, быстро в машину, поедешь со мной.

Лучинский был из военной семьи, отец, полковник, наставлял его так:

– С солдатней построже, держи дистанцию, а то на голову сядут.

Именно из этого соображения Лучинский приказал Кожину ехать в кузове, хотя в кабине второе пассажирское место было свободным.

Железнодорожная станция находилась не слишком далеко от части, если бы Лучинский вёл себя спокойно и не дёргал Курбанова, давая ему наставления в вождении автомобилем и ругая за каждое неверное движение, ничего бы не случилось. Но Лучинскому казалось, что машина едет слишком медленно, так оно и было, Курбанов боялся быстрой езды, опасаясь, что не успеет затормозить в нужный момент. Подгоняемый проклятиями старшего лейтенанта, он всё же разогнался

и поздно заметил, что полосатый шлагбаум на железнодорожном переезде начинает опускаться. Лучинский дико заорал, Курбанов, испугавшись, резко нажал на тормоз, бочки с дизельным топливом покатались на упавшего от неожиданного толчка Виктора Кожина, размозжив ему грудину и голову.

В смерти Кожина обвинили водителя, его судили, но срок дали небольшой, учитывая молодость и неопытность.

4

В том, что Войченко не ошибся в своих предположениях, Григорий Кожин убедился, пробуриив шестьдесят четвёртую Шонгулехскую. Скважина, самая дальняя по расстоянию от посёлка, была заложена на разломе и дала хорошую для своей глубины в шестьсот сорок пять метров, нефть. Все дальнейшие скважины, которые проектировались на Шонгулехском месторождении, стали закладывать вдоль разлома, – линии, проведённой геологом Войченко на карте, с учётом опыта бурения Людвига Краузе и других предшественников. Одна скважина за другой давали продукцию, штат Управления расширили, возросло финансирование, стали поступать новые буровые установки, начальство поверило, что Шонгулех будет серьёзной нефтяной провинцией.

Григорий Кожин не мог примириться с гибелью сына, он не верил в то, что его нет, эта мысль не помещалась в голове.

Баба Паша после похорон Виктора слегла и болела два месяца, всю работу по дому делала Наташа. Но пришёл день, она поднялась и стала прежней, – деятельной и ворчливой, только ворчание стало больше похожим на стон. Ни разу, даже в самом сильном раздражении, у неё не вырвалось: я же предупреждала. Должно быть, она согласилась с тем, что путь, предначертанный каждому человеку судьбой, изменить невозможно. Баба Паша почти перестала разговаривать, погрузилась в недра своей истерзанной души, никого туда не пуская, в особенности мужа, Кожин надеялся, что она постепенно восстановится после страшного удара, но время шло, и ничего не менялось.

Семья распалась на три части, у каждого на первом месте оказались свои заботы, – у Григория Селивёрстовича буровые, у Наташи – встречи с Мишей, у бабы Паши – безмолвная безысходность от непреодоленного горя.

Кожин старался как можно дольше оставаться на работе. Он отремонтировал свой жилой вагончик, покрасил его в ярко-зелёный цвет, держал там запас круп и других продуктов. Вахты менялись каждый день, Наташа передавала отцу записки, но сообщать было особенно нечего, о своих встречах с Мишей она умалчивала, хотя все давно знали о них.

На испытание 64-й Шонгулехской приехал Николай Павлович Войченко. С Кожиным они встретились, как старые друзья. Войченко знал о трагедии, происшедшей в его семье, но он счёл за лучшее не выражать соболезнований, не беречь раны.

На устье 64-й поставили фонтанную арматуру, вывели от неё трубы в земляной амбар метров за пятьдесят, после этого стали переводить скважину на лёгкий раствор, чтобы нефть пересилила давлением его вес и вышла на поверхность.

Кожин не сомневался, что нефть будет, он наблюдал при бурении радужную нефтяную плёнку, да и керн из продуктивной толщи остро пах нефтью. Но когда нефть пошла по выкидной линии в амбар, – желтовато-синяя, лёгкая, высококачественная, Войченко и Кожин крепко обнялись и пожали друг другу руки. Они замерили дебит скважины на разных диаметрах штуцеров, и Войченко сказал, что самый подходящий штуцер диаметром четыре миллиметра, на нём скважина будет давать оптимальный объём нефти и долгое время не подтянет из нижнего пласта воду.

Кожин заранее приготовил водку, и выпивку, засиделись допоздна, говорили о многом, вдруг Григорий Селивёрстович спросил геолога, откуда же, собственно говоря, берётся нефть, не в чертях же дело?

– Исходное для нефти вещество смешанное: растительное и животное, – стал разъяснять Войченко, – захоронение его происходило в глинистых илах, начальная стадия образования нефти обусловлена деятельностью бактерий, – он старался избегать чересчур научных слов, которые могли быть непонятны Кожину, но это не вполне удавалось, – главные факторы – давление и температура. Существуют специальные типы ловушек, в которых нефть затем скапливалась.

Кожин слушал внимательно, он не читал технических книг и все свои знания собирал из рассказов таких вот, как Николай

Павлович, учёных людей. Кожин перебил Войченко на полуслове:

– Выходит, что из моего Витьки тоже когда-нибудь получится нефть?

Войченко, опешив от вопроса, некоторое время молчал, не зная, как на него ответить, потом сказал:

– Ну, так и из нас с вами тоже получится нефть, если уж так рассуждать. Через восемьдесят миллионов лет это вполне возможно.

Говорить на эту тему Николай Павлович больше не хотелось, он попытался этот опасный разговор закончить:

– Когда образовывалась нефть, которую мы с вами сейчас добываем, никаких людей ещё в помине не было.

– Откуда вы знаете? А вдруг были? – не поверил Кожин.

– Очень интересный вы человек, Григорий Селивёрстович, – сказал Войченко, – вам бы поучиться в своё время, развить ум.

– Мне развиваться некогда было, Николай Павлович, – вздохнул Кожин, – я с восьми лет овец пас, хорошо ещё, что семь классов смог окончить, времена были не для учёбы, вы сами это знаете.

Войченко испытывал странное чувство вины перед этим человеком, который был моложе почти на десять лет, а выглядел на десять лет старше. Жизнь отчего-то не благоволила к нему, выставляя всё новые и новые беды, Кожин не жаловался на несправедливость судьбы, но, наверное, ему было обидно.

Николай Павлович рассматривал свою жизнь, как вполне счастливую, хотя и в ней тоже всякого хватало. Он мог претендовать на бронь, как геолог, но не стал, добился того, что его призвали в армию в самом начале войны, просился на фронт, но как человека, имевшего высшее образование, его держали при штабе, он нервничал, четыре раза подавал рапорты с просьбой отправить в Сталинград, но рапорты остались без удовлетворения, а к концу войны его и вовсе комиссовали из-за обострения язвы желудка.

Николай Павлович был счастливо женат, два сына выросли и тоже работали геологами, один в Туркмении, другой – на Крайнем Севере. Он рассказывал Кожину о себе, и тот, казалось бы, должен был завидовать, но он не завидовал, он радовался тому, что у Николая Павловича жизнь сложилась

удачно. Войченко смотрел на этого седого, истраченного невзгодами человека и поражался его доброте, душевности и внутренней силе, ему всё время хотелось сказать Кожину что-то хорошее, но он не знал, что именно будет выглядеть для него хорошим. Григорий чувствовал это отношение и ценил его.

5

Трудно сказать, кто притащил эту заразу в посёлок, может быть, новые рабочие, которых набирали по всей стране из разных мест, – производство расширялось, людей из ближайших районов не хватало. Как бы то ни было, пришла эпидемия. Сначала никто не обратил внимания на то, что люди заболевают одинаково: покрываются красноватой сыпью, словно паутиной, и температура прыгает до сорока. Число заболевших росло и вскоре стало критическим. Больных, находившихся в тяжёлом состоянии, увозили в город. Палата при медпункте бабы Паши была загружена полностью, часть заболевших лечилась дома. Ситуация была терпимой до тех пор, пока не появился первый умерший – пожилой токарь из мастерских.

Баба Паша решила обезопасить свою семью: Григория Селивёрстовича отправила на буровую, приказав не выходить там из вагончика, с рабочими общаться записками. Наташу закрыла в комнате, еду подставляла под дверь, в качестве туалета – ведро. Сама она отчего-то заболеть не боялась, хотя постоянно контактировала с больными. Говорила: «Ко мне не пристанет», и действительно, не приставало. Никакого медицинского образования, у неё не было, научившись фельдшерскому делу «вприглядку», как её муж – бурению, баба Паша с утра до ночи не выходила из медпункта: ставила уколы, давала таблетки, кормила больных; иногда приезжал доктор из города, что-то советовал, обещал прислать кого-нибудь на подмогу, но никого не присылал. Баба Паша, приходя домой в обед, окликала Наташу, чтобы убедиться, что она в комнате, ставила ей возле двери еду на табурет, выносила ведро и опять уходила. Эпидемия не стихала.

Стоял ноябрь, дождливый и сумрачный, в посёлке были проложены асфальтовые дороги и тротуары, но едва они заканчивались, сразу же начиналась непролазная грязь; глинистая, тяжёлая почва Шонгулеха крепко прилипла к подошвам, освободиться от неё было нелегко. Тротуар кончался

как раз возле дома Кожиных, и Наташа видела в окно, как неохотно расставались с ним прохожие, наступая в грязь. Занятий в школе не было уже три недели, баба Паша ни на минуту не выпускала Наташу из дома, страх, что дочь может заразиться был паническим.

Наташа непрерывно думала о Мише, между ними всё было решено, они поженятся, как только Наташа окончит школу. Они проживут в Шонгулехе, пока пройдут три года, которые Миша должен отработать после института, потом уедут в Москву, к родителям Миши, – квартира большая, места достаточно. Он уже рассказал в письмах родителям про Наташу и послал её фотографию, убедил их, что эта девушка – его окончательный выбор и просил не перечить его желанию. Родители, быть может, не слишком рады были провинциальной невесте сына, но, зная его характер, не возражали.

Миша много рассказывал Наташе о Москве, он любил этот город, ей стали близкими странные названия улиц: Солянка, Таганка, Сретенка. Однажды ей приснился сон, соединивший в себе Шонгулех и Москву: они гуляют с Мишей по Красной площади, наклоняются и поднимают с брусчатки рапанов, их много, и они точно такие, как на песчаной морской косе в Шонгулехе, потом выходят к реке, но это вовсе Москва-река, это берег озера Бечик.

Она рассказала об этом сне Мише, и он долго смеялся.

Баба Паша по настроению Наташи поняла, что эта дружба всерьёз, и не стала возражать, решив, что такова судьба дочери.

Наташу беспокоило, не заболел ли Миша, и однажды, увидев через окно Ларису, она открыла форточку, окликнула подружку и бросила записку с этим вопросом. На следующий день Лариса бросила ей записку в ответ: «Болен. Лежит в общезитии».

Наташа не боялась инфекции, почему, сказать трудно, возможно считала, что с таким счастьем в душе ничего плохого с ней случиться не может. Ей хотелось узнать, как чувствует себя Миша, нужна ли ему помощь. И вот однажды утром, услышав, как хлопнула входная дверь за матерью, Наташа стала открывать шпингалеты на окне, провозилась долго, поранила пальцы, шпингалеты были покрашены в закрытом состоянии густой белой краской. Наконец, распахнула окно, – повеяло холодной сыростью, улица была пустынная, хмурое низкое

небо напряглось дождём. Наташа надела куртку, короткие сапоги и скользнула с подоконника в мокрый палисадник.

Общежитие, в котором жил Миша, находилось возле здания конторы управления. Заходить вовнутрь Наташа посчитала опасным, она подняла с земли маленький камешек, и бросила его в знакомое окно на первом этаже.

Мишино лицо показалось сразу же, словно он ждал этого знака. Наташа жестом попросила открыть окно, чтобы можно было поговорить.

Она стояла метрах в трёх, считая, что это достаточное расстояние для того, чтобы заражённые частицы её не достигли. Сотни, тысячи раз Миша будет укорять себя за то, что открыл окно, вполне хватило бы жестов и мимики; так незначительная ошибка круто поворачивает жизнь, пуская её по совершенно иному пути, чем планировалось ранее, сколько ни сокрушайся потом, обратного хода нет.

Молодые люди сказали друг другу несколько ничего не значащих фраз, потом Миша закрыл окно и лёг, потому что плохо себя чувствовал, а Наташа вернулась домой.

Она заболела на следующий день, тело покрылось красноватой сыпью, голова горела. Чувствуя, что теряет сознание, стукнула в стенку и крикнула:

– Мама!

На самом же деле она не крикнула, лишь прошептала эти слова, но баба Паша спала чутко, как хищный зверь, она услышала стук и бросилась в комнату дочери. Три дня температура была критической, везти в больницу в таком состоянии было нельзя, на четвёртый – понизилась, баба Паша перевела дух, решив, что кризис прошёл, но на пятый день температура вновь круто скакнула вверх, и Наташа скончалась. В посёлке сказали «сгорела», и это слово наиболее точно характеризует то, что произошло.

6

Те места, где живут люди, – города и посёлки, – как и человеческая жизнь, имеют начало и конец. Время существования посёлка Нефтепром оказалось недолгим.

В последние полгода из продуктивных скважин стали интенсивно отбирать нефть и возить её за девяносто километров для переработки. На небольшом заводе, путём возгонки, нефть разделяли на керосин, бензин и дизельное топливо,

остающуюся густую фракцию использовали для изготовления асфальта. Машины сновали, как челноки, одна за другой, возле скважин порой выстраивались очереди. Приезжавший в посёлок Николай Павлович Войченко настаивал на том, чтобы штуцеры больших диаметров при эксплуатации скважин не использовались, с ним соглашались, но всё равно ставили максимальные, потому что нефти требовалось много. Трудно сказать, послужила ли интенсивная добыча причиной землетрясения, об этом задумались позже, а тогда решили, что виновата природа, то есть, никто.

Это было странное землетрясение, – всего лишь один, короткий толчок, – но он оказался достаточным для того, чтобы принести беду посёлку Нефтепром и поставить крест на Шонгулехской нефти. Этот толчок не разрушил дома, в их стенах появились лишь вертикальные трещины, дома строили, как временное жильё, ни о каких сейсмических поясах речи не шло. Находиться в них стало опасно, и людей начали переселять в город.

Но землетрясение принесло и более серьёзные проблемы: пласты в глубинах земли сместились, скважины резко уменьшили дебит нефти, вместо неё пошла мутноватая солёная вода, только 64-ая Шонгулехская, сохранила прежние параметры. Геологи принялись строить различные теории, чтобы объяснить происшедшее, но высокое начальство эти теории не интересовали, главное было то, что нефти нет и появится ли она вновь, неизвестно. Прозвучало решение: геологоразведочное управление закрыть, посёлок ликвидировать, Шонгулехское нефтяное месторождение законсервировать.

ХРАНИТЕЛЬ (4–7 октября 1993 года)

*Затопили нас волны времён
И была наша участь мгновенна
Александр Блок*

1

Высокие мощные ворота, на каждой створке которых изображение буровой вышки. К воротам подъехал запылённый нефтевоз, водитель вылез из кабины, вытер пот с загорелого лба, крикнул:

– Эй, открывай старик, хорош спать!

Долгое время никто не отзывался, и водитель в ожидании разглядывал склад пришедшего в негодность оборудования, который в управлении глубокого бурения называли «пятый угол».

Склад располагался вокруг скважины шестьдесят четвёртой Шонгулехской, которая в начале шестидесятых годов дала хороший приток, потом про неё забыли за ненадобностью, вспомнили недавно, когда потребовалась неучтённая нефть.

– Да проснешься ты или нет, старый? – заорал водитель, потеряв терпение.

Дверь зелёного вагончика со скрипом отворилась, показался старик в зелёной поношенной куртке с жёлтым ромбом «Мингео СССР» на рукаве. Старик был совершенно лыс, в больших очках в роговой оправе, при ходьбе он сутулился и шаркал ногами в тяжёлых ботинках, однако, шёл довольно энергично для своего возраста. По пути к воротам остановился, закурил сигарету.

– Открывай скорей, – торопил водитель.

Можно было предположить, что при столь энергичном натиске сторож немедленно откроет ворота, но этого не произошло, он спросил:

– Что тебе надо, почему кричишь?

– Нефтью грузиться мне надо. Давай скорее, не тяни.

– А документы на погрузку у тебя есть?

– Какие ещё документы? Вот записка от главного инженера Станюкова, больше ничего нет.

Он протянул бумажку размером в четверть тетрадного листа. Там было написано торопливым почерком: «Сторожу Кожину. Подателю сего загрузить десять куб. метров нефти из скважины 64-ой Шонгулехской».

Сторожа звали Григорий Селивёрстович, но его отчеству давно уже было придано иное звучание: Сильвестрович.

– Документом называется накладная с печатью и подписью материально-ответственного лица, в документе должно быть указано, в чей адрес отпускается нефть, – наставительно и немного нудно, объяснил Сильвестрович водителю.

– Что ты мне голову морочишь? – вконец обозлился водитель. – Грузиться надо. Срочно! Тебе что, главный инженер не указ?

– Поезжай к своему главному инженеру и передай, что его записки на туалетной бумаге для меня не документ, по ним

я нефть не отпускаю. Скважина не его собственность, а государственная.

– Так мне пустым что ли возвращаться?

– Ну, залейся водой из ставка, поедешь гружёным.

– Издеваешься? Вот возьму сейчас монтировку и башку тебе пробью!

– У меня в вагончике ружьё, оно исправно, стреляю я хорошо, мне даже левый глаз прищуривать не надо, у меня его давно нет, так что ты не торопись с монтировкой.

Водитель приоткрыл дверь кабины и сказал человеку, сидящему на пассажирском месте:

– Слушай, поговори с ним, может, он тебя послушает.

Человека, к которому водитель обратился, звали Михаил Васильев, он хорошо знал Сильвестровича, поэтому ввязываться в эту малопонятную историю ему не хотелось. В нефтевозе он оказался случайно: возвращался в город с соседней буровой. Но делать вид, что всё это его не касается, не получалось. Васильев вылез из кабины, подошёл к воротам, пожал руку Сильвестровичу сквозь прутья решетки.

– Налили бы ему нефти, – сказал Васильев, – кто её учитывает в скважине?

Ему пришлось пожалеть о сказанном. Старик снял очки: левый, отсутствующий глаз, выглядел так, словно Сильвестрович специально прищурил его; правый, спрятанный под седой, нахмуренной бровью, был яростен. Михаил знал, что старик всегда снимает очки перед тем, как ругаться.

– Тебя сюда толкачом прислали? Профессию сменил?

Васильев был слишком близко знаком со стариком, чтобы обижаться на него.

– Никто меня не посылал, в город еду попутно. Просто странно, что вам нефти жалко.

– Да, мне нефти жалко, – подтвердил Сильвестрович, – потому что я знаю, что начальство ею торгует. Раньше за это посадили бы, сейчас не посадят. Думаешь, случайно у водителя вместо накладной записка?

В управлении глубокого бурения дела шли плохо, зарплату не платили третий месяц, Сильвестрович о задержке зарплаты не знал, её за него получала в кассе дочь Катя по доверенности. Катя с мужем и детьми жила в трёхкомнатной квартире Сильвестровича в доме, построенном управлением. После смерти жены Сильвестрович в квартире бывал редко,

полностью переселившись в зелёный вагончик на складе в «пятом углу».

– Что там, в Москве, случилось? – спросил он Васильева.

– Из танков стреляли по Дому Правительства.

Старик энергично потёр ладонями загорелую лысину с двумя заметными шишками с правой стороны, словно помещая в голову услышанную информацию.

– В Москве? Из танков? Война что ли?

– Пока ещё нет, но, похоже.

– Как же так? – удивился старик. – Там же много людей живёт, в Москве, разве можно из танков? Кто приказал?

– Президент.

– Но он не должен был такое приказывать, если он президент. Его уволили?

– Нет, не уволили.

– Что творится, – сокрушённо проговорил Сильвестрович.

Когда Васильев вернулся в кабину, водитель с надеждой спросил:

– Ну, что? Уговорил?

– Бесполезно его уговаривать.

Водитель высунулся в окно и прокричал Сильвестровичу:

– Станюков тебя выгонит!

– Его самого скоро выгонят, – ответил тот.

Нервно разворачиваясь перед воротами, водитель сказал Васильеву:

– Борзый он чересчур.

– Сторож, – объяснил Михаил, – работа у него такая.

2

Когда в кабинет ворвался Станюков, начальник управления Доценко встретил его терпеливой улыбкой, он привык к нервной возбуждённости главного инженера.

– Евгений Дмитриевич, – на высоких тонах проговорил Станюков, – этот старик на складе совсем с ума сошёл, никому не желает подчиняться.

– Какой старик? Почему не желает? – переспросил Доценко, хотя понял о ком идёт речь.

– Ну, этот, который «пятый угол» караулит. Я ему нефтевоз послал с запиской, чтобы залил десять кубов нефти для колхозных теплиц, а он заливать отказался. Я считаю, что такие вещи нужно пресекать жёстко и незамедлительно.

Доценко знал, что у Станюкова старые счеты с Сильвестровичем.

Станюкова направили в Приморское управление глубокого бурения главным инженером после трёхлетней работы в Пакистане. Сергей Семёнович, впервые заняв столь высокую руководящую должность, значительно вырос в собственных глазах, и вёл себя соответственно.

На заработанные за границей деньги он приобрёл автомашину «Волга» и был этим горд. Для автомашины требовался гараж. Станюкову подсказали, что гараж есть у Сильвестровича, там долгое время стоял потерявший работоспособность «Москвич», но Кожин его кому-то подарил, и теперь гараж пустовал.

Станюков разыскал Сильвестовича на базе, в ремонтном цехе, когда тот, склонившись над чертежом, объяснял токарю, конструкцию ловильного инструмента для ликвидации аварии на скважине. В то время он работал мастером по сложным работам.

Если б Станюков не сделал две грубые ошибки, Сильвестрович, вполне возможно, просто подарил бы ему этот гараж. Но, во-первых, он обратился к нему пренебрежительно, а, во-вторых, перебил Сильвестровича, когда тот подошёл к главному секрету конструкции ловильного инструмента.

– Эй, послушайте, – сказал Сергей Семёнович, тронув Кожина за плечо, и, не ожидая, пока тот обернётся, продолжил, – у вас есть гараж, я хочу его купить, только не ломите цену, я видел этот гараж, он больших денег не стоит.

Сильвестрович обернулся, снял очки, выпрямился, и уставился на Станюкова единственным глазом, в котором ничего хорошего прочитывать было невозможно. Некоторое время смотрел пристально, потом спросил:

– Слушай, ты откуда взялся?

Станюков опешил от столь явного хамства, он не мог предсказать, что такое возможно.

– Как вы разговариваете с главным инженером?!

– Ты откуда взялся? – повторил Сильвестрович.

Кругом стояли люди, они всё слышали, кое-кто язвительно улыбнулся.

– Вы о своём поведении пожалеете! – пообещал Станюков.

– Иди, жалуйся, – напутствовал его Кожин.

– Зря вы с этим Кожиным связались, – сказал Доценко, – человек пожилой, ветеран, к нему подход нужен.

– Не собираюсь искать подходов к хамам. Я требую, чтобы вы уволили этого человека.

– Сергей Семёнович, – Доценко взглянул на Станюкова неприязненно, – мы с вами пока ещё не очень хорошо знаем друг друга, но на всякий случай запомните: я не люблю, когда подчинённые мне приказывают.

– Простите, не так выразился, – Станюков понял свою оплошность.

– Уволить Кожина не так просто, как вам кажется. По крайней мере, я этого делать не буду. Сейчас не время разбираться в таких мелочах, много других проблем. Как вы знаете, мы решили расконсервировать 64-ю Шонгулехскую, которая, как раз и находится в «пятом углу», будем возить из неё нефть к магистральному трубопроводу, на пункт сдачи. Если, конечно, эта скважина всё ещё имеет приемлемый дебит. Вы смотрели материалы?

– Да, смотрел. Надежды есть. Кстати, этот старик и пробурил её в качестве мастера.

– Вот видите, а вы его уволить хотите.

– Евгений Дмитриевич, если в 64-й действительно есть нефть, мы сможем получить её и без этого ветерана, неважно, что он пробурил эту скважину.

– Не смею сомневаться в ваших способностях, Сергей Семёнович.

– Так что же вы, всё-таки, скажете по старику? Есть ли способ от него избавиться?

– Не будьте мелочным. Со стариком решим позже. Помните, я говорил вам о том, что нужно создать общество с ограниченной ответственностью через подставное лицо? При этом фактические хозяева: вы и я. Это общество будет иметь все необходимые лицензии и пункт сдачи, а наше управление будет продавать ему нефть и получать прибыль.

Станюков отлично понял, каким образом собирается Доценко реализовывать прибыль, здесь крылось явное нарушение закона, но времена переменялись, и фокус мог сойти с рук, создание подобных предприятий теперь поощрялось государством.

– Кроме 64-й Шонгулехской есть ещё несколько старых скважин, которые можно использовать, – сказал Станюков,

многозначительно посмотрев на Доценко, – возможность брать нефть по дешёвой цене в соседнем управлении глубокого бурения и также возить её на пункт сдачи.

– Прекрасная мысль, Сергей Семёнович, я её продолжу: Общество с ограниченной ответственностью будет арендовать технику у нашего управления. Вы понимаете, какая интересная тема может получить развитие?

Станюков понимал, что совсем недавно такая тема могла грозить уголовной ответственностью, но в нынешней производственной неразберихе едва ли кому-то придёт в голову отслеживать, откуда взялась нефть, которую скачивает новое общество с ограниченной ответственностью в магистральный трубопровод, и где оно арендует транспорт. Открывались заманчивые финансовые горизонты.

– Я рад, что смог воодушевить вас, – сказал Доценко, без труда определив настроение главного инженера по выражению его лица, – в жизни нужно рисковать. Как вы считаете?

– Полностью с вами согласен, Евгений Дмитриевич, – подтвердил Станюков, но было страшновато, рисковать он не привык.

3

Когда нефтевоз уехал, Сильвестрович зашёл в вагончик. Там был особый запах, непривычный и неприятный для постороннего человека, запах чего-то ветхого, залежалого, давнего, вперемешку с тяжёлым духом дешёвого табака и степных трав. Так пахнут замершие годы, горькие воспоминания, настоявшаяся душевная боль, короче говоря, жизнь, которая прошла, кончается, но пока ещё не кончилась.

Курил Сильвестрович почти непрерывно, без табака жить не мог, степные травы собирал в строго определённое время, сушил на лесках, протянутых под потолком, потом паковал в бумажные пакеты. Он пил чай, заваренный на травах, может быть, поэтому никогда не болел. Когда-то давно он был крепким, налитым мощью, мужчиной, обладал большой физической силой, без которой работа на буровой невозможна, теперь высох, потемнел кожей, ссутулился, но ходил по-прежнему легко, почти как в молодости; ел мало, в еде был неприхотлив, легко обходился без вина и водки, но, когда представлялся случай, выпивал. Сигареты и хлеб из магазина

ему привозил чабан Рустем, с которым он дружил так долго, что уже не помнил, сколько лет именно.

В жизни Сильвестровича давно не происходило никаких событий, он их и не хотел, вполне хватало тех, что уже случились. Иногда ему казалось, что он прожил несколько жизней, которые кончались, когда им выходил срок.

Женился он вскоре после войны, невест в Лохматовке было хоть отбавляй, женихов выбила война. Мать предупредила Кожина:

– Не спеши, не на месяц жену выбираешь.

Но Григорий выбрал быстро, его женой стала Прасковья, – вдовая женщина, старше его годами. Мать возмутилась:

– Зачем тебе эта сварливая тётка? Столько молодых девчат готовы за тебя замуж пойти.

Мать не понимала: после того, что Григорий пережил во рву и потом, когда скитался по степи, молодая девчонка ему не годилась. Он бы вообще не женился, но очень хотелось детей. Прасковья, статной фигурой и большой грудью, показалась ему для этой цели вполне пригодной. Она, как и Григорий, тяжело перенесла оккупацию, потеряла мужа, погибшего в бою под Ржевом, сына, умершего от болезни. Её называли бабой Пашей, и она, не обижаясь, принимала это прозвище.

Сильвестрович считался опытным бурильщиком. В те времена бурильщик был хозяином на буровой, большинство решений принимал он, мастер приезжал на короткое время и справлялся лишь о том, всё ли в порядке, сколько пробурили за смену и что необходимо для дальнейшей работы.

Смерть обоих детей уместилась в один год, баба Паша после этого жить не хотела, целыми днями неподвижно лежала на кровати, Сильвестрович, приезжая с буровой, молча сидел рядом, не зная, что делать. Иногда она вдруг выплёскивала на мужа поток упрёков и обид, обвиняя в том, что это он виноват в смерти детей, потому что редко бывал дома.

Контору бурения перевели в город Приморский, Сильвестровичу и бабе Паше предоставили небольшой домик. Жизнь тянулась монотонно и неинтересно, баба Паша временами впадала в безумие, и это было невыносимо; если б не работа, Сильвестрович и сам сошел бы с ума вместе с женой.

Он бурил очередную скважину, когда летом, в самую жару, в вагончик постучалась молодая смуглолицая женщина, она работала лаборанткой на соседней буровой, шла на трассу

ловить попутную машину, чтобы добраться до города. Она попросила воды. Сильвестрович сказал, что у него, кроме воды, найдётся вино, да и вообще, будет лучше, если женщина останется у него и заночует. Вроде бы, пошутил. Женщина, тоже вроде бы в шутку, ответила, что у неё муж очень ревнивый, если узнает, оторвёт ей голову. Сильвестровичу было известно, кто её муж, знал он и о том, что семейная жизнь у этой женщины не ладится. Через несколько дней она снова шла к трассе и опять попросила воды, Сильвестрович повторил своё предложение, и женщина осталась у него до утра.

Их отношения продолжались довольно долго, потом эта женщина развелась с мужем, когда она неожиданно заболела и умерла, Сильвестрович привёл в дом, где они жили с бабой Пашей, смуглолицую трёхлетнюю девочку.

– Это наша дочь, – сказал он, – её зовут Катя, она будет жить с нами.

4

Если понимать счастье примитивно: ты здоров и рядом любимая женщина, то первые несколько лет после женитьбы на Татьяне Михаилу Васильеву жилось замечательно. Но потом Вика, его приёмная дочь, подросла, стала готовиться к поступлению в институт, постоянно требовались деньги для репетиторов; институт находился в областном центре, и Татьяна собиралась снимать там для Вики квартиру. Семейный бюджет не выдерживал таких расходов, и Татьяна проявила неожиданную предприимчивость и смекалку. Она наняла каких-то мужиков, и рядом с домом, где раньше был сад с яблонями, а теперь ничего не было, кроме старых, высохших коряг, появился отапливаемый газом обширный парник, в котором были посажены помидоры и огурцы. Михаил приезжал с буровых затемно, а иногда оставался там ночевать, ему было не до Татьяниних затей, и однажды очень удивился, увидев, что стройка успешно завершена.

Он не сразу оценил опасность активной деятельности жены, вдруг выяснилось, что созревшие огурцы и помидоры нужно срочно отвезти на рынок для продажи, пришлось нанять такси-фургон и суетиться полдня. Вечером Татьяна с гордостью показала вырученные деньги.

Татьяна вошла во вкус, её охватил азарт, Михаилу приходилось постоянно помогать ей, сначала он терпел, потом стал

ворчать. Возникла надобность в машине, каждый раз нанимать такси было накладно. Михаил всерьёз возмутился и заявил, что эта сельскохозяйственная революция ему не нравится, но было поздно, остановить производство, приносящее прибыль, невозможно. Вика, ставшая красивой черноволосой девушкой, чётко определяла начало очередного скандала и уходила из дома, красноречиво хлопнув дверью.

Семейная жизнь Михаила стала напоминать непрерывное сражение, скандалы вынуждали его уходить на ночь в общежитие. Он жил там иногда по несколько дней, успокаиваясь. Он попросил выделить ему в общежитии комнату, чтобы не искать каждый раз свободную кровать. Но комната могла быть выделена лишь холостяку, Михаил развёлся и вот уже два года жил один, тоскуя от безысходности. Управление строило новый дом, Михаил встал на очередь, рассчитывая получить однокомнатную квартиру.

Утром, в диспетчерской, Васильеву сообщили, что его срочно вызывает Доценко. Михаилу никогда не нравилось излишнее внимание к себе руководства, ничего хорошего оно не обещало. Он доехал от базы до центра города, где находилась контора управления, на автобусе, и поднялся на второй этаж в кабинет Доценко.

У начальника управления имелся круг «приближённых», в чём выражалось доверие начальника к ним, и какие поручения «приближённым» давались, Михаил не знал и не хотел знать, он был рад, что не принадлежит к этому кругу. Ему не нравился высокомерный Доценко, умеющий унижить не только словом, но и взглядом, интонацией.

Пока Васильев был женат, ему ничего не нужно было от начальника, и он смотрел на «приближённых» с презрением. Но теперь ситуация переменялась: требовалась квартира, жить в сорок лет в общежитии было неприлично и некомфортно, и он подбирал момент, чтобы поговорить на эту тему с Доценко.

Он не знал, по какому вопросу его вызвал начальник, но если уж вызвал, то почему бы не воспользоваться случаем и не изложить свою просьбу? В очереди на квартиру можно простоять долго и не получить ничего, к тому же, времена переменялись, и нет гарантии, что этот жилой дом не окажется последним в истории Приморского управления глубокого бурения.

Доценко кивнул Васильеву, жестом пригласил его присесть на стул и вдруг спросил, ошеломив Михаила вопросом:

– Снова жениться не собираетесь? Вы в разводе, насколько я знаю.

Вопрос был задан неспроста, Васильев насторожился и постарался взять себя в руки.

– Нет, не собираюсь.

– Напрасно, женщины играют в жизни мужчины важную роль.

– Вполне возможно, но лучше обходиться без них.

– Интересная мысль, но это к делу не относится. Я бы хотел поговорить с вами вот о чём: финансирование геологоразведки сокращается, надо предпринимать меры для того, чтобы выжить в этой сложной ситуации. Вы готовы к расширению объёма своей деятельности?

Васильев не понимал, куда клонит Доценко, но почувствовал, что его заманивают в какое-то опасное предприятие.

– Я не знаю, что вы имеете в виду, – ответил он, – но поработать можно, главное, чтобы в этом был смысл.

– Совершенно с вами согласен, – лицо Доценко сделалось ещё более радушным. – Какие у вас в данный момент имеются проблемы в жизни? Я могу помочь в их решении?

– Мне нужна квартира. Хотя бы однокомнатная. Надоело в общежитии, да и не по возрасту: шумно и туалет далеко, в конце коридора.

– Вы стоите в очереди на жильё?

– Конечно.

– Тогда не вижу проблем. Новый дом мы в следующем году сдадим. Я думаю, к осени.

Он произнес это настолько легко и убедительно, что у Михаила всколыхнулась радость в груди: «Неужели всё так просто? Не обманет? Но что он хочет взамен?»

Доценко улыбнулся с обычной своей сдержанной снисходительностью:

– Квартира ведомственная, с правом выкупа.

– Но откуда я возьму деньги, чтобы её выкупить? Не с зарплаты же.

– Вот этот вопрос мы сейчас и обсудим. Какие у вас отношения с Игорем Георгиевичем Новокрещёновым? Какого мнения вы об этом человеке? Он опытный специалист?

Михаил никогда не был хорошего мнения о Новокрещёнове, опытным специалистом его не считал, но для того, чтобы не огорчить начальника, сказал:

– Нормальный специалист. И что?

5

Игорь Новокрещёнов не сомневался, что когда-нибудь будет крупным руководителем, у него есть для этого все данные. Но миновало тридцать лет, и ничего пока что не получалось: из буровых мастеров по различным причинам пришлось уйти, его перевели в контору, в технологический отдел. Игорь был поначалу даже обрадован: здесь больше перспектив, но конторская работа оказалась монотонной и однообразной, кроме того, расстраивал начальник отдела Борис Борисович Карлов – человек с постоянной улыбкой на губах, кончики которых приподнимались саркастически.

Новокрещёнова он всерьёз не воспринимал. Впрочем, он никого всерьёз не воспринимал.

– Игорёк, рассчитай-ка мне, как в институте учили, цементаж девятидюймовой колонны на Первой Новопокровской буровой. В расчётах встретится значок «пи», не забудь, что он означает.

Вот такой юмор у человека. Он не сомневается, что Игорю известно, что такое «пи», но этим ёрничаньем он намеренно низводит его до уровня студента. У Игоря от шуток Карлова портилось настроение. Борис Борисович всех молодых людей называл уменьшительными именами, это выглядело, на первый взгляд, доверительно и мило, однако, Новокрещёнову такая фамильярность не нравилась: человека, которого называют Игорёк, главным инженером не назначат никогда.

Однажды молодой специалист, Петя Демчук, которого недавно приняли в технологический отдел, рассчитывая объём продавки буровым раствором при цементаже, сделал ошибку на полтора кубических метра. Игорь ошибку выявил и сообщил о ней Карлову. Борис Борисович отреагировал в клоунской манере:

– Напортачил Петруша? Не беда: «башмак» колонны не оголится, а цемента у нас достаточно.

Новокрещёнов эти слова возмутили, он их запомнил.

После забуривания новых скважин, выполнения квартальных или годовых планов по проходке, Доценко устраивал

выезд инженерно-технических работников на природу с шашлыком и водкой. Сам он почти не пил, но всегда присутствовал на мероприятиях и благосклонно наблюдал, как напиваются подчинённые. В разгар одного из таких праздничных выездов Новокрещёнов случайно оказался возле Доценко, тот брезгливо вытирал носовым платком руки после шашлыка. Доценко вдруг спросил:

– Какого вы мнения о Борисе Борисовиче?

По-видимому, проверял Игоря «на вшивость»: сдаст или не сдаст своего начальника?

У Новокрещёнова ответ был готов:

– Борис Борисович опытный технолог, но иногда небрежен в работе.

И рассказал про полтора кубических метра, которые недосчитался Демчук.

Сообщение напоминало донос, Доценко никак не отреагировал на него, лишь укоризненно покачал головой. Новокрещёнов надеялся, что его бдительность будет замечена, брошенное зерно прорастёт, но оно не прорастало. Тем не менее, Новокрещёнову стало казаться, что начальник глядит на него при встрече внимательней, чем прежде. Он ловил эти взгляды, надеясь на перемены, но перемен не происходило.

Судьба меняется неожиданно, случайно столкнувшись с Новокрещёновым в коридоре, Доценко сказал:

– Зайдите ко мне в кабинет.

В кабинете было солнечно и как-то празднично, начальник улыбался Новокрещёнову ободряюще и дружески. Обычное выражение его лица в беседах с подчинёнными – сдержанно-нетерпеливое, словно он отрывается от важных проблем для разговоров, не имеющих для него интереса.

Отец Новокрещёнова работал слесарем на машиностроительном заводе, мать – учителем младших классов. Вечером, после ужина, родители иногда сидели на кухне и разговаривали, закрыв дверь. Игорь слышал, что они ругают своих начальников: отец – мастера, мать – завуча. Игорю было стыдно за них, потому что в глаза все эти гадости они своим начальникам никогда не скажут, начальник – тот, кого боятся. Эта мысль показалась Игорю очень важной и многое объясняющей, с тех пор он держал её в памяти.

Когда Доценко предложил ему стать генеральным директором вновь созданного ООО «Нефтепром», в ушах

Новокрещёнова возник оглушительный и торжествующий гул. Доценко что-то разъяснял, ставил первоочередные задачи, Новокрещёнов не понимал его слов, видел лишь шевелящиеся губы начальника. Он так долго ждал этого момента, что любые слова теперь не имели значения: он разобьётся в лепёшку, но всё выполнит, он отгрызёт голову подчинённому, если увидит, что тот недостаточно активен и трудолюбив. И пусть кто-нибудь попробует теперь обратиться к нему иначе, чем Игорь Георгиевич.

– Вы меня внимательно слушаете? – спросил Доценко, возвращая Новокрещёнова из атмосферы ликования на землю.

– Конечно, Евгений Дмитриевич.

– Я только что сказал, что механиком у вас будет работать Михаил Васильев. У вас с ним нормальные отношения, вы сработаетесь?

– Пусть только попробует не сработаться.

Евгений Дмитриевич усмехнулся:

– Не собираюсь вас учить, но хочу отметить, что одной лишь жёсткостью коллектив построить трудно, а вам предстоит построить коллектив, перед которым будут стоять серьёзные задачи.

– Если Васильев не будет справляться, найдем кого-то другого.

– Васильев неплохой механик, – заметил Доценко. – Если у вас есть другие кандидатуры, скажите мне о них сразу.

Других кандидатур у Новокрещёнова не было, он уже понял, что лучше всего умерить пыл и не забывать, что Евгений Дмитриевич остаётся для него начальником.

Доценко думал о том, что Новокрещёнов честолобив и завистлив, эти качества обеспечивают надёжную управляемость, Новокрещёнов годился к новой должности именно потому, что Доценко знал, как с ним работать.

6

Сильвестрович пил чай за столом в вагончике. Было душно, лоб и вся голова потели, он вытирал их грязноватым полотенцем. Запылённое окно плохо пропускало солнечный свет, в комнате было сумрачно. Вагончик разделён на две половины: в одной – кухня, в другой – спальня. Катя стирала Сильвестровичу бельё, когда он не ленился привозить его домой, но он обычно забывал и не видел в этом большой беды. Дочь

выросла в крупную женщину с широкими бедрами, большой грудью и широко расставленными серовато-матовыми глазами, была очень похожа на мать. Как и её матери, ей рано захотелось любви. Катя вышла замуж в восемнадцать лет, и у неё родились сын и дочь, но Сильвестрович относился к ним спокойно, любил их гораздо меньше, чем саму Катю.

Он был поражён тем, что в Москве стреляли из танков в людей, думал об этом беспрерывно и решил поехать домой, чтобы посмотреть по телевизору, как это произошло.

Сильвестрович представил тех людей, которые сидели в танках и стреляли по дому, где были в тот момент люди, он представил их так же отчётливо, как того немецкого солдата, который стрелял в него, когда он стоял на краю рва. Тот солдат стрелял мимо сознательно, это было видно по его глазам. Падая в ров живым, Сильвестрович испытывал огромную благодарность к этому человеку, хотя, вполне возможно, что тот солдат гораздо больше беспокоился о страшном грузе, который мог взять на свою совесть, чем о жизни неизвестного ему русского парня.

Русские солдаты, которые сидели в танках, и стреляли по русским людям, знали силу снарядов, которые летели в Дом Правительства. Быть может, потом они попытаются оправдаться тем, что людей, которые находились в Доме, следовало убить для того, чтобы спасти остальных от беды. Но пролитая кровь не может спасти от беды, потому что она сама и есть беда.

Да, этим людям был дан приказ, они принимали воинскую присягу, но в той присяге наверняка не было написано о том, что они обязаны убивать своих, русских, и никто бы не поставил им в вину, если бы они промахнулись по цели. А теперь им придётся до самой смерти сознавать себя убийцами. Оправдаться им, в отличие от того немецкого солдата, будет нечем. Сильвестровичу было искренне жаль их, потому что прощения им нет, как и тем, кто отдавал тот страшный приказ.

Сильвестрович был опытным охотником и отличным стрелком, но был уверен, что никогда, ни при каких обстоятельствах не выстрелит в человека.

Сильвестрович ждал Рустема. Он приезжал на старых «Жигулях» – копейке, на них он ухитрялся пасти большую отару овец, мастерски выруливая по буеракам, по которым его предки-чабаны скакали когда-то на лошадях. В город

Рустем ездить опасался из-за ужасного технического состояния автомобиля.

Сильвестрович называл Рустема «ложным татаринном». Лицом он – истинный татарин: тонкий горбатый нос, раскосые чёрные глаза, скуластое, узкое лицо, но после того, как его родителей после войны выслали в Казахстан, где они погибли, он, с трёхлетнего возраста, воспитывался в русской семье, поэтому не знал ни обычаев своего народа, ни языка.

Сильвестрович вышел из вагончика, присел на скамейку, закурив, стал задумчиво глядеть на железный хлам, сосредоточенный вокруг скважины 64-й Шонгулехской. Когда-то он получил из этой скважины нефть. Дебит был не слишком большим. Геолог Войченко объяснил Сильвестровичу возможные пути его увеличения.

Николай Павлович Войченко, вежливый человек с седой бородкой, не считал зазорным разъяснять Сильвестровичу, буровому мастеру-самоучке, теории происхождения и залегания нефти в недрах земли. Вечерами они подолгу сидели на этой скамейке возле вагончика, Николай Павлович чертил на пыльной земле попавшейся под руку щепкой расположение материнской толщи в недрах планеты, типы нефтяных ловушек и схемы миграции углеводородов. Эти лекции Сильвестрович запомнил навсегда.

Николай Павлович говорил, что скважина 64-ая Шонгулехская попала в ловушку сводового типа. Вероятно, залежь имеет подпитку за счёт миграции нефти. При грамотной эксплуатации из этой, сравнительно неглубокой, скважины можно получать ежедневно до двадцати тонн нефти без признаков воды. При точно подобранном, оптимальном диаметре штуцера этот дебит будет сохраняться длительное время. Скважину может погубить лишь одно: жадность при её эксплуатации. Если увеличивать дебит бездумно, пытаясь довести его до максимального любой ценой, выход нефти может прекратиться вследствие сужения вертикальных трещин-каналов.

Рустем приехал вечером, когда жара спала. Сильвестрович спросил у него о событиях в Москве, Рустем сказал, что в Москве убили сто пятьдесят человек, но на самом деле наверняка больше. Беспорядки продолжаются, и ещё неизвестно, чем всё это кончится.

Сильвестрович попросил отвезти его в город, к дочери. Рустем улыбнулся так, как только он умел – с восточной грустью в добрых глазах: сам знаешь, что это для меня опасно, но отказать не могу.

7

Васильеву было наплевать, что его начальником будет Новокрещёнов, хотя отношения у них были не самые лучшие. Исполнение главной мечты, получение собственной жилплощади, сводило на нет это неудобство в будущей работе. Истинным руководителем всё равно остаётся Доценко, Новокрещёнов – фигура подставная.

Говорят, что сорок лет – возраст фатальный, если в сорок лет похвастаться нечем – это ощутимый сигнал. Михаил испытывал тревогу: жизнь перешагнула экватор, о каких итогах можно вести речь? Он восемнадцать лет проработал в Приморском управлении глубокого бурения, но стал всего лишь старшим механиком. О личной жизни и говорить нечего: хотел ребёнка, но Татьяна категорически заявила, что ей вполне достаточно Вики. С этого заявления, собственно говоря, и начался разлад, который углублялся до тех пор, пока семья не развалилась.

Можно, конечно, ещё раз жениться на какой-нибудь молоденькой девочке, но Михаил не был уверен, что из этой затеи получится что-то путное, любая женщина, какой бы хорошей она ни казалась вначале, в конце концов, становится такой, как Татьяна. Не то чтобы плохой, но чужой и ненужной.

Да и времена переменялись, Михаил не мог привыкнуть к тому, какими они стали. Вроде бы, люди остались те же, но каждый стал сам по себе – скрытней, подозрительней, даже в гости друг к другу перестали ходить. Управление глубокого бурения доживало последние годы, одно за другим следовали сокращения персонала. Доценко нашёл лазейку: договорился о сдаче нефти из старых скважин в магистральный нефтепровод, но Михаил не верил в эту затею.

Доценко поставил перед ним задачу восстановить пункт слива нефти, который Управление глубокого бурения, а точнее вновь организованное общество с ограниченной ответственностью «Нефтепром», взяло у НГДУ в аренду. Михаилу случалось бывать в этом полуразвалившемся кирпичном сарае, давно превращённом в туалет. Два проржавевших

насоса, трубы с облупившейся краской, выбитые окна, сорванные с петель двери. Михаил спросил у Доценко, видел ли он объект лично, или знает о нём лишь по рассказам арендодателей?

– Видел, – ответил Доценко.

Васильев понял, что описание ужасного состояния пункта слива не произведёт впечатления на начальника, лишь вызовет негативную реакцию к человеку, описывающему это состояние. Михаилу следовало полным энтузиазма голосом доложить о том, что он в короткий срок планирует привести объект в надлежащий вид. Доценко интересовал конечный результат, а не рассказы о том, как трудно будет эту работу сделать.

Михаил, не вникая в частности, сказал, что потребуются бригада строителей для капитального ремонта здания, и бригада монтажников для замены обоих насосов и линий обвязки.

Но такая постановка вопроса ни в коей мере не устроила начальника.

– Денег нет. Финансирование будет производиться по остаточному принципу. Предлагаю: мусор вынести, проёмы окон заложить кирпичом, навесить двери, проверить состояние электропроводки и коммуникаций. Насосы и запорную арматуру отремонтировать, линии обвязки оставить прежние, проверить их опрессовкой и покрасить. Впрочем, можно и не красить.

Михаил молча проникся точкой зрения начальника, высказанной в форме приказа, но его интересовал главный вопрос:

– А как с дополнительной зарплатой? На неё деньги найдутся?

– Вы остаётесь в должности старшего механика по ремонту бурового оборудования. Будете числиться в управлении, выполнять свои обязанности, в этом плане для вас ничего не меняется. Причитающиеся вам деньги за работу в обществе с ограниченной ответственностью, будут переводиться на счёт в качестве оплаты квартиры в новом доме.

– А если этих денег к моменту сдачи дома окажется недостаточно?

– Не беспокойтесь. Выдадим ссуду.

«Как ловко он всё выстроил, – поразился Михаил, – не обманет ли?»

– Какие у меня будут гарантии?

– Васильев, не занимайтесь демагогией.

«Может, не связываться с этой мутной затеей? – думал Михаил, выходя из кабинета начальника. – Но Доценко отказ не простит, подведёт под сокращение, где теперь найдёшь работу?»

Первая встреча с Новокрещёновым, после разговора с Доценко, произошла в диспетчерской, на базе управления.

– Ну, что, будем работать? – спросил Новокрещёнов, как-то по-новому, не очень хорошо, улыбаясь.

Васильеву не понравилась эта улыбка.

– Приказали, значит, будем, – ответил он.

– Надо ехать на объект.

– Прямо сейчас?

– Да, сейчас.

– Если надо, поехали.

Новокрещёнову был выделен выдавший виды УАЗик. За неимением водителей генеральный директор ездил за рулем сам.

Когда выехали на трассу, Новокрещёнов сказал:

– Имей в виду, если увижу, что ты относишься к делу пренебрежительно и не прикладываешь максимум усилий, я тебя выгоню, мне не нужен твой большой опыт, когда от него нет толку. И никакой квартиры тогда тебе не видать.

Михаил подумал, что с этим волчонком будет намного сложнее, чем с Доценко. Тот давно уже всем всё доказал, а Новокрещёнову нужно лезть из кожи, чтобы выглядеть начальником, времени на раскачку нет, поэтому жалеть он никого не будет. Новокрещёнов теперь мог ставить ему условия, повелевать, придётся либо подчиниться, либо уйти.

– Ты меня не пугай, – сказал Васильев, – если будешь меня мордой по грязи возить, наплевать на квартиру, всё брошу и уйду, без меня ты ничего не сделаешь.

Новокрещёнов дипломатично промолчал, посчитав, что без разумной сдержанности настоящему руководителю не обойтись.

8

Катя жила уже с третьим мужчиной, но за детьми смотрела и работала на постоянной работе – кассиром в сбербанке. Сильвестрович в её жизнь не лез.

Дом, в котором они жили, находился на самой окраине города, напротив пляжа, Сильвестрович не был на нём

лет двадцать, если не больше. Дом длинный, пятиэтажный, в одиннадцать подъездов, с балконами, увитыми виноградом.

Войдя в подъезд, Сильвестрович столкнулся с Павлом Митрофановичем Костровым, тоже бывшим буровым мастером, ныне пенсионером.

– Павел, ты знаешь, что в Москве творится? – спросил он.

Костров, хотя и был по крови русским, лицом напоминал Чингисхана, он взглянул на Сильвестровича сумрачными, желтоватыми глазами, сжав губы, обозначив желваки:

– Стреляют.

Больше Костров ничего не сказал, похромал дальше, у него, как у большинства буровиков, в старости болели ноги, и он ухитрялся хромать сразу на обе ноги.

Сильвестрович отдал Кате бельё в стирку, погладил по голове десятилетнего внука Мишу, поцеловал восьмилетнюю Ксюшу, пошёл в свою комнату, сел в кресло и включил телевизор. Телевизор был новый, его купил третий по счёту зять в знак особого уважения к Сильвестровичу.

В комнате всё сохранилось так, как было в тот день, когда умерла баба Паша: накрытые кружевными накидками, высоко взбитые подушки на широкой кровати; круглый стол с испорченной полировкой; шкаф, называемый гардеробом, со скрипучими дверцами; желтоватые тюлевые занавески на окне; небольшая икона в «красном» углу. Над кроватью – портрет Сильвестровича лет в сорок пять. Сильвестрович внимательно посмотрел на широкоплечего мужчину в пиджаке, при галстукке, с пышной копной волнистых волос, и не поверил, что это он и есть.

Репортаж о расстреле Дома Правительства из танков повторяли по телевизору часто, танки вздрагивали, и через долю секунды на стене Дома Правительства обозначались чёрные разрывы; дом горел, но танки не прекращали стрельбы. Сильвестрович заметил, что вздрагивает вместе с танками после каждого залпа. Он снял очки и дрожащими пальцами вытер слёзы, тот глаз, которого не было, плакал вместе со зрячим. На мосту неподалеку от Дома Правительства стояли люди и наблюдали за расстрелом, словно это было кино; камера оператора на миг запечатлела человека, который выгуливал собаку. Человек смотрел на горящий дом, и собака смотрела на дом, приподняв, чтобы не терять времени, заднюю ногу.

Диктор что-то говорил, но Сильвестрович не слушал, комментировать тут было нечего.

...Константиновский ров, в котором оказался Сильвестрович в результате расстрела, – это противотанковая траншея длиной метров пятьсот и шириной метра четыре. Какой она глубины было непонятно, потому что там уже лежали тела, слегка присыпанные землёй. Григория и других, приговорённых к расстрелу, четыре дня держали в старом сарае на окраине села, еды не давали совсем, воду – в ржавом ведре, раз в день. Всех находящихся с ним людей, Григорий знал, все они были жителями Лохматовки и не понимали, за что их хотят расстрелять. Друг с другом не разговаривали, говорить было не о чём.

На пятый день, ранним утром, косо висящие на петлях ворота сарая открыли, приказали выходить. Выстроили вдоль рва – пятнадцать мужчин и трёх женщины. От старика Родионова, стоящего рядом с Григорием, пахло свежей мочой. Григорий оглянулся и посмотрел в ров, на то место, куда ему предстояло упасть. Расстреливали из винтовок. Григорий видел напротив себя невысокого, одутловатого, совсем не армейского вида, человека в мешковато сидящей на нём немецкой форме, этот человек должен был стрелять в него.

– Благодаря грамотным и решительным действиям вооружённых сил, – сказал диктор, – путч подавлен. Так называемые «защитники Белого Дома» сдались.

– Папа, ты ужинать будешь? – спросила Катя, заглянув в комнату.

– Ужинать не буду, – ворчливо ответил Сильвестрович. – Телевизор смотришь? Видишь, что делается?

– Некогда мне его смотреть, – отмахнулась Катя. – А что там делается?

– Людей убивают.

После того, как умерла баба Паша, Сильвестрович редко ночевал в своей квартире, всё в ней напоминало о покойной жене. К концу жизни баба Паша стала непереносимой, любое слово мужа вызывало у неё шквал возмущений. Возмущения переходили в проклятия, задыхаясь, она принималась кашлять, потом плакала. Сильвестрович сидел, печально склонив лысую голову, время от времени снимал очки и с силой тёр, то отсутствующий, то действующий глаз. Жизнь, которую они прожили вместе, трудно было назвать счастливой, но судить

о ней, ориентируясь лишь на причитания бабы Паши, было бы неправильно. Как в любой жизни, случалось всякое, – и хорошее, и плохое.

Баба Паша умирала в течение полугода, Катя ухаживала за ней, как за родной матерью, за это Сильвестрович полюбил дочь ещё сильнее.

Когда он оставался ночевать в квартире, ему продолжали слышаться причитания жены, спалось Сильвестровичу плохо.

Он очнулся поздним утром, Катя и зять ушли на работу, дети – в школу. В дверь постучали, Сильвестровичу не хотелось вставать, усталое тело противилось этому. Но стук повторился, став более настойчивым, было ясно, что человек знает, что Сильвестрович дома, но ленится открыть.

Это был Костров, войдя в квартиру и присев к столу, он насмешливо произнёс:

– Ты представляешь, что эти командиры задумали?

Накануне Костров был у знакомых в НГДУ и узнал о том, что Доценко арендовал старую, давно пришедшую в негодность, насосную на магистральном нефтепроводе, собирается отремонтировать её. Будет возить нефть со старых разведочных скважин и скачивать в нефтепровод.

Новость была любопытная. Сильвестровичу и Кострову были известны все старые разведочные скважины, из которых можно получить нефть. Однако каждая из них имела свою проблему: запарафиненность лифтов, обводнённость, проблемы с запорной арматурой и многое другое. Прежде чем начинать эксплуатировать эти скважины, нужно вложить деньги в их ремонт.

Скважин насчитали одиннадцать, Костров выписал их номера и наименования площадей на обороте ученической тетради внучки Сильвестровича Ксюши. «Живых» скважин набралось пять, из них можно было добыть в сутки при самом благоприятном раскладе около пятнадцати тонн нефти. Но на эту нефть нужно получить разрешительные документы и доставить её на пункт слива. Во что обойдётся ремонт насосной, тоже не ясно, но немало. Всё это затраты. Себестоимость тонны нефти, даже на первый взгляд, получалась высокой.

– Ты думаешь, Доценко беспокоится о том, чтобы управление из долгов вытащить? – спросил Костров Сильвестровича. –

Он хочет под маркой этого «Нефтепрома» денег грабануть напоследок, перед пенсией. Не верю я ему.

Когда Катя, придя с работы, открыла дверь в квартиру, то услышала из комнаты отца громкий, возбуждённый разговор.

– Ты же знаешь, Павел, скважины, они как люди, – говорил отец, – у каждой свой характер. Скважину надо уважать. Знаешь, как я 64-ую запускаю? Прижму ухо к тройнику на фонтанной арматуре и приоткрываю задвижку на трубном выкиде. Сначала песочек идёт, – тихое такое шуршание; надо подождать, пока он выйдет весь, чтобы очистился лифт; при равномерном потоке звук другой, – слегка шипящий, – можно открывать задвижку дальше, но не слишком быстро. Насиловать нельзя никого – ни скважину, ни человека.

Катя заглянула в комнату: на столе – пустые бутылки из-под портвейна «Приморский», исписанные цифрами листки бумаги. За вином наверняка послали внука Мишу, с запиской, которую, как обычно, составил Павел Митрофанович: «Убедительно прошу Вас продать моему внуку две бутылки портвейна «Приморский». Сам прийти не могу по состоянию здоровья. Заранее благодарен. П. М. Костров, ветеран труда». Кострова в магазине знали, ещё не было случая, чтобы Мише отказали.

Катя поняла, что отец останется ночевать и плотнее прикрыла дверь в его комнату, чтобы не мешать обсуждению проблемы запуска скважины 64-ой Шонгулехской в работу.

9

В детстве и в юности Евгений Дмитриевич Доценко был иным, чем в зрелые годы, в его характере не было предположений к тому, что когда-то он станет руководителем крупного предприятия.

Мама работала учителем в музыкальной школе, папа преподавал в институте, но он ушёл из семьи, когда сыну было шесть лет.

В детстве у Жени не было друзей, он не любил выходить во двор, где своя иерархия и свои лидеры, суровых законов двора он опасался, чувствуя, что они грозят ему бедой.

После окончания школы он не смог поступить в институт, не добрал баллов, пришлось пойти в армию. Ничего более страшного он представить себе не мог, армия казалась тем же

самым двором, только гораздо хуже. Он был наслышан о «дедовщине» и разного рода унижениях, которые неизбежны. Армия сыграла в жизни Евгения Доценко исключительно важную роль, больше нигде не смог бы он переродиться коренным образом, понять, что борьба за место под солнцем является неременной составляющей существования человека. Драться при этом не обязательно, нужно создать условия, чтобы никому в голову не пришло с тобой драться.

Потом, учась в институте, Женя придумал байку о том, что служил не просто в пограничных войсках, а в «спецвойсках». Ни в каких спецвойсках он не служил, после «учебки» попал в воинскую часть, которая занималась охраной складов, расположенных неподалеку от западной границы. Почти два года Женя ходил в караул, вышагивая возле пакгаузов и резервуаров с горючим.

Было время для того, чтобы подумать о дальнейшей жизни и о том, как строить в ней отношения с людьми. Другие решали этот кроссворд без затруднений, Доценко же потребовалась не одна ночь хождений по асфальтированной дорожке меж двух рядов колючей проволоки, чтобы разработать программу поведения.

Секрет выглядел не сложно: человеку нужно чувствовать себе хотя бы чуть-чуть выше других людей. Умней, грамотней, образованней. Если он заранее ставит их наравне с собой, ничего не получится, – сомнут, затопчут, унизят. Играя по чужим правилам, проиграешь обязательно. Когда дело касается первенства, нужно не останавливаться ни перед чем, потому что первым достаётся всё, а последним – обслуживание первых. И главное: невозможность закадычных, задушевных дружб, когда по глупой искренности можно выболтать о себе то, что потом против тебя же и обернётся.

Но если хочешь выглядеть выше, лучше других, ленивым быть нельзя, нужно держать себя в руках, не давать спуску ни в чём. Важно не терять времени, догонять тяжело, да и догонишь ли. Все равны на старте, всем отмерены равные сроки, если не взяться за дело всерьёз, потом будет поздно.

Для того, чтобы выделиться, многие в армии уродовали себя спортом: поднимали штанги, до изнеможения подтягивались на перекладине, бегали кроссы. Гордились своими достижениями. Евгений этой гордости не понимал. Разве человек становится умнее, поднимая штангу немислимой тяжести?

Соревноваться вообще нежелательно, потому что можно проиграть, своё первенство нужно рассматривать, как данность, не требующую доказательств.

В воинской части была отличная библиотека, в неё мало кто ходил. Евгений стал бывать там каждый день, едва появлялось свободное время. Заслужил этим благосклонность заведующей библиотекой – Ирины Тимофеевны, жены начальника штаба полка. Приторная сорокалетняя дама даже слегка кокетничала с ним. Евгений оценил важность этого внимания, когда на второй год службы подал заявление в партию и без проблем стал кандидатом.

Его уверенность и независимость вызывали у сослуживцев подозрение и опаску, предложений погладить парадную форму или почистить сапоги старослужащим не поступало ни разу.

В туалете вечерами случались жестокие разборки. Между московскими и тверскими, челябинскими и питерскими и так далее. Евгения эти глупости не касались, каждый вечер перед сном он молча, словно не замечая, проходил с полотенцем на шее и зубной щёткой сквозь ряды солдат, которые с озверелыми лицами стояли друг против друга с ремнями, намотанными крест-накрест на руки. Он был человеком другого мира, это понималось и признавалось.

Он читал книги Достоевского и Толстого не потому, что они были ему интересны, а потому что в том мире, где он собирался обитать, полагалось читать такие книги. Когда командир полка, подполковник Горецкий, предложил Евгению направление в военное училище после окончания службы, тот сердечно поблагодарил, и сказал, что уже выбрал для себя профессию, и готовится к поступлению в институт. На самом деле, Доценко валял дурака, читая вечерами приключенческие романы.

Он поступил в институт благодаря так называемому рабфаку, была в то время такая хитрая помощь для отслуживших в армии. Когда Евгений учился на пятом курсе, его как бы случайно познакомили с Леной, дочерью маминой сослуживицы. Лена была весьма миловидна и имела фигуру, глядя на которую мужчины испытывали непреодолимые желания. Маму Лены это тревожило: девушка, чувствуя свою привлекательность, была излишне кокетлива и могла поддаться коварному соблазну.

После знакомства Лена стала немедленно фигурировать в ночных грёзах Евгения, молодые люди поженились и уехали

по месту распределения Жени после окончания института. Лену приняли на работу в плановый отдел управления глубокого бурения, Женю – в технологический.

10

Длительное время Михаил близко не сталкивался по работе с Сильвестровичем, только отмечал, что этот старик с загорелой лысиной постоянно с кем-то ругается, раздражённо оттопырив толстую нижнюю губу. Его побаивались, старались с ним не спорить. Когда Михаил попал на работу в Приморское управление, Сильвестрович занимал должность мастера по сложным работам, – ликвидировал аварии, которые случались на буровых. Однажды Михаил оказался в вагончике мастера, когда Сильвестрович мучился с аварией на скважине, где мастером был Новокрещёнов.

– У тебя под каской голова или что? – допытывался у Игоря Сильвестрович, не обращая внимания на то, что этот нагоняй слышит Васильев. – Ты знаешь, что нельзя тянуть инструмент вверх, если его прихватило? Ты его тянул?

– Нет.

– Зачем врёшь? Ты его в жёлоб затянул. А его нужно было вниз сбивать. Ты почему меня не дождался? Ещё и диаграмму отключил, хитрец.

Старик жил в небольшом домике с приусадебным участком, рядом с общежитием, проходя мимо невысокого забора, Михаил слышал, как толстая, похожая фигурой на скирду, жена старика, раздражённо кричит на него.

Знакомство Михаила с Сильвестровичем началось с того, что они поругались на буровой из-за автокрана. Сильвестровичу требовалось срочно загрузить в машину аварийный инструмент, а Васильеву – заменить дизель в насосном блоке.

Большого конфликта удалось избежать, крановщик Вася, сильно заикающийся и поэтому говорящий убедительно, успокоил спорящих:

– Н-не ругайтесь, н-не тратьте время, сейчас всё б-быстро сделаем, до ночи ещё д-далеко.

И действительно, всё успели. В город возвращались вдвоём на том же самом автокране, по дороге взяли бутылку «Приморского», выпили, разговорились. Миша стал частым гостем у Сильвестровича. Дом Сильвестровича выглядел

неуютным, неухоженным, словно люди собирались жить в нём недолго.

В дальней комнате лежала на широкой кровати баба Паша, похрапывая во сне, пахло лекарствами, как в больничной палате. Смуглолицая девочка лет тринадцати, сказала:

– Папа, садитесь в кухне, я вам сейчас накрою.

Они расположились в тесноватой кухне, где порядка также не чувствовалось. Девочка нарезала в тарелку помидоров, полила их подсолнечным маслом, достала из холодильника колбасу и солёное сало, поставила гранёные стаканы для вина.

Сильвестрович привлёк девочку к себе, поцеловал в голову:

– Катюша у меня хозяйка, бабушка болеет всё.

Михаил удивился неожиданной нежности в голосе старика и подумал, что он совсем не такой, каким выглядит со стороны.

Проговорили допоздна, потом сидели на скамейке во дворе, курили, Сильвестрович рассказывал, что баба Паша постоянно жалуется на боль «где-то внутри», но к врачу идти не хочет, ни на какие уговоры не поддаётся, весь дом на Кате, которая успевает при этом ещё и учиться в школе.

Баба Паша умерла осенью, в октябре. Михаил помогал Сильвестровичу в похоронах. Сильвестрович похоронил её в Шонгулехе, возле детей. Михаил смотрел на фотографии бравого парня в военной форме и красивой девушки на памятниках, и не мог поверить, что баба Паша – их мать.

Потом Сильвестрович получил квартиру в новом доме, и Михаил стал приходить к нему туда. Катя повзрослела, и Михаила уже смущали её светло-серые, матовые глаза, глядевшие совсем не по-девичьи. Потом Катя вышла замуж, а Сильвестрович переселился в зелёный вагончик в «пятом углу», чтобы не мешать молодой семье.

Михаил иногда привозил ему еду, портвейн «Приморский», сигареты. Садись за стол в вагончике, выпивали, Сильвестрович повторял на разные лады подробности бурения 64-й Шонгулехской и других скважин, забывая, что рассказывал всё это уже не один раз. С памятью его творились странные вещи: ему казалось, что Миша знаком с людьми, которые работали тогда. Чтобы не огорчать старика, Миша делал вид, что действительно помнит этих людей, и сам в это верил,

ему представлялось, что он чуть ли не ровесник старику, ну, может быть, немного моложе.

Как и предполагали Сильвестрович и Костров, со сбором нефти возникли большие проблемы. Несмотря на эти трудности, энтузиазм Новокрещёнова не гас, видя его полный энергии взор, Васильев грустил: энтузиазм Игоря обещал ему массу проблем.

Новокрещёнов знал о конфликте главного инженера с Сильвестровичем и не сомневался в том, что строптивный старик будет уволен и перестанет мешать. Решил напомнить об этом Доценко. Он вошёл в кабинет начальника без стука, считал, что имеет такое право, находясь в новой должности.

– Выгоните к чёртовой матери этого старого идиота, он совсем обнаглел! – сказал он прямо с порога, не подозревая, что копирует не столь давний визит к начальнику Станюкова.

Новокрещёнов был наказан: Доценко чётко видел грань, за которую нельзя пускать посторонних.

– Вы с какой целью ко мне пожаловали? – вежливо поинтересовался он.

– Я считаю, что этого Кожина нужно выгнать, он мешает, – повторил Новокрещёнов.

– Вы даёте мне такое распоряжение?

Новоявленный генеральный директор замолчал, словно налетев грудью на прозрачное стекло, которое по рассеянности не заметил.

– Надо что-то решать, – проговорил он, сбавив тон, но сбавил его недостаточно, и получил ещё одну оплеуху.

– Вот и решайте, а не бегайте ко мне по каждому пустяку. Там, в приемной, если вы заметили, есть секретарь, будьте добры, интересоваться у него, не занят ли я и могу ли вас принять.

Новокрещёнова показалось, будто его вывезли на середину глубокого озера, выбросили из лодки и посоветовали самостоятельно добираться до берега, хотя сначала обещали спасательный круг.

Ворота больницы были распахнуты, однако Новокрещёнов не решился в них въехать, оставил машину на площадке, где разворачивался рейсовый автобус. Он всё ещё сомневался

в том, что правильно поступает. Одобрит ли его визит в это учреждение Доценко? А вдруг не одобрит? Надо было спросить? Но вновь оказываться в его кабинете, выглядеть при этом глупо и назойливо, не хотелось.

Он некоторое время посидел в машине, собираясь с мыслями, и пришёл к выводу, что большого риска нет, надо что-то предпринимать, надеяться на то, что старик образумится, глупо, да и времени на это нет.

Несмотря на то, что неудачи преследовали одна за другой, Новокрещёнов не терял надежды, сегодня, как обычно, вскочил в половине шестого, словно сработала невидимая пружина, принял душ, сделал зарядку. Жена Валя встала в шесть, приготовила завтрак, попутно рассказывая об успехах сыновей в школе, Игорь слушал невнимательно.

Когда он садился за руль, жена смотрела из отворённого окна, она в него верила, и эта вера отзывалась у Новокрещёнова волнующим холодком в груди: он не подведёт, не имеет права подвести.

Новокрещёнов постоял перед распахнутыми воротами, читая наименование в деревянной рамке, прикреплённой к каменному столбу: «Областная психиатрическая больница № 2». Игорю, никогда не бывавшему в таких заведениях, казалось, что здесь стоит постоянный вой и зубовой скрежет, однако, сумасшедших не наблюдалось, было тихо и солнечно.

Новокрещёнов спросил у миловидной медсестры, где найти главного врача больницы, и девушка показала на один из корпусов.

Постучав, Новокрещёнов осторожно открыл дверь в кабинет. За широким столом сидел человек с тщательно расчёсанным седым пробором; очки с толстыми стёклами, большой нос, характерного, сизовато-синего цвета. Человек мельком взглянул на Новокрещёнова мутноватыми глазами и спросил:

– Вы кто? Что хотели? Попрошу коротко, я занят.

Обескураженный суровым приёмом, Новокрещёнов представился:

– Игорь Георгиевич Новокрещёнов, генеральный директор компании «Нефтепром».

Лишь позднее Новокрещёнов догадался, что у него началась полоса удач, когда желания исполняются, словно по заказу, а события монтируются друг к другу с удивительной лёгкостью и точностью.

– Игорь Георгиевич Барсуков, главный врач, – эхом отозвался человек с сизовато-синим носом, и глаза его вдруг просветлели, ему понравилось то, что его имя-отчество совпало с именем-отчеством гостя. Он почувствовал неожиданное расположение к нему. – Что привело вас к нам, какие проблемы?

Радужие собеседника помогло Новокрещёнову справиться с нерешительностью, ему показалось, что он и впрямь приехал в психиатрическую больницу для того, чтобы помочь хорошему человеку, который заболел, но не подозревает об этом.

– Необходим ваш совет, мне трудно самому решить, как поступить в создавшейся ситуации, она слишком деликатна.

Главный врач напрягся лицом, демонстрируя готовность помочь.

– У нас трудится сторожем, на складе вышедшего из употребления оборудования, старый, заслуженный человек, ветеран, всю жизнь отдавший поискам нефти и газа. На территории склада находится скважина, которую он когда-то пробурил, из которой получил нефть. Но с некоторых пор у него появилась иллюзия, будто он имеет особые права на эту скважину, что она чуть ли не его собственность. Он никого не подпускает к ней, скандалит. Я не знаю, что делать, не связывать же его. Как, по-вашему, это болезнь?

– Без сомнения, – редкие, седые брови главного врача хищно взметнулись, – это маниакально-депрессивный психоз, вещь крайне опасная. Никто не может гарантировать, что однажды этот человек, защищая якобы личную собственность, не нанесёт кому-то опасную травму. Сколько ему лет?

– Семьдесят с чем-то, может быть, и больше.

– Вот видите! В таком возрасте психически здоровых людей не бывает. Рисковать нельзя. Возможен другой вариант: этот человек впал в детство. Может быть, помните, такую песню?

Главный врач пропел неожиданно грустным и проникновенным голосом: – «Пятьдесят – это так же, как двадцать, ну, а семьдесят – так же, как десять». Это произведение Юрия Кукина. Случайно не интересуетесь авторской песней?

– Кукин для меня – другое поколение, – подхватил хорошо знакомую ему тему Новокрещёнов, – мой кумир Михаил Щербаков, может быть, слышали такую песню: «А когда, государь, ты умрёшь, побледневшие верные слуги, сообщат эту весть всей округе, нагоняя смятенье и дрожь».

– Ну, как же, конечно, слышал, отличная песня.

Общность увлечений сблизила собеседников.

– А вот, к примеру, Дольский. Как он вам? – интригующим голосом поинтересовался главный врач.

– Ну, знаете ли, Дольский – это классик, он обсуждению не подлежит.

Ответ Новокрещёнова привёл Барсукова в восхищение:

– Абсолютно с вами согласен. Сейчас время сокрушения авторитетов: что там Окуджава, что там Городницкий, что там Визбор... Мода такая.

Главного врача нужно было вернуть к насущному вопросу, ради которого Новокрещёнов проехал спозаранку сто километров.

– Так что мне со старичком делать? – перебил он ностальгические размышления Барсукова.

– Разве вы не поняли? Всё предельно просто: как только дедушка примется бузить, кому-то угрожать, вести себя неадекватно, защищая свою скважину, немедленно звоните лично мне, я организую машину со специалистами, мы пригласим ветерана для прохождения лечения в стационаре. Всё будет законно, не сомневайтесь.

– Но он не захочет. Я думаю, он не считает себя больным.

– Дорогой Игорь Георгиевич, – вздохнул Барсуков, – я вас уверяю, что ни один из находящихся на излечении в моей клинике пациентов не считает себя больным. Но это не значит, что они здоровы. Я вам скажу больше: многие люди, находящиеся вне стен этой клиники, требуют незамедлительного лечения.

Расстались тепло. Барсуков долго тряс руку Новокрещёнова, умоляя «заглянуть при первой возможности».

Следующая удача ждала Новокрещёнова в районном управлении Госгортехнадзора. Он заехал туда из любопытства – прощупать почву, но визит оказался чрезвычайно полезным.

Он ожидал в длинном коридоре, пока освободится секретарша, напряжённо тараторящая, то по одному, то по другому телефону. Сидевший рядом пожилой мужчина в чёрном, с обсыпанными перхотью плечами, пиджаке, коротко спросил:

– Проблемы?

– Масса. Прямо не знаю, что делать.

– Расскажите.

В этом слове мелькнула тень приказа, видимо мужчина привык общаться с людьми именно с такой интонацией. Новокрещёнов рассказал о проблемах с документацией по узлу скачивания нефти, пожаловался, что тема для него новая, директором он недавно, опыта не хватает. Искренность Новокрещёнова мужчину подкупила, немного подумав, он сказал:

– Слушайте внимательно. У вас есть очень простой выход: нужно оформить ваш узел, как сооружение временное, которое будет использоваться для опытной эксплуатации в экспериментальных целях, в этом случае требования резко снижаются. Там не должно быть капитального здания, а если оно есть, сломайте, иначе с пожарным надзором и с экологами хлопот не оберётесь. Соорудите обыкновенный навес от дождя, напишите в документах, что он временный, но вы же знаете: то, что строится у нас временным, постепенно становится постоянным.

Новокрещёнов был поражен, как умело и грамотно был подсказан ему выход из положения, он осторожно спросил:

– Простите, а вы кто?

– Какая разница? Ну, работал я когда-то в этом учреждении, сейчас – на пенсии, слоняюсь, надоедаю людям советами.

– Можно будет к вам снова обратиться, если возникнут другие вопросы?

– Обращайтесь, – усмехнулся мужчина, – но учтите, реальной помощи оказать не смогу.

– Разве совет, не помощь?

– Если он помог, то да. Звоните, – он написал на клочке газеты телефон.

12

Придя утром в свой кабинет Евгений Дмитриевич Доценко впервые за много лет не ощутил бодрости и желания работать. Он умел держать себя в руках, но ресурс, похоже, кончился.

С новым проектом не получалось ничего, Станюков ходил с унылым видом и просил Доценко где-то изыскать деньги для ремонта старых разведочных скважин, они давали нефти значительно меньше, чем предполагалось.

– Проснись, какие деньги, скоро на зарплату не будет хватать.

С начальником НГДУ была длительная и тяжёлая беседа:

– Вы сдаёте мне в аренду узел скачивания нефти, – сказал ему Доценко, – так приведите его в надлежащий вид. Почему я должен нести затраты?

Исполненный самодовольства, заплывший жиром человек, лениво процедил:

– Не хотите, не берите, ничего ремонтировать я не буду.

По нефти была надежда на 64-ую скважину, так и там придурковатый старик устраивает спектакли, и неизвестно, что с ним теперь делать, чтобы не нарваться на скандал в Центральном Управлении: Доценко издевается над ветераном. Ещё неизвестно, кто над кем издевается. Новокрещёнов второй день не появляется в конторе после того, как он его отчитал, Евгений Дмитриевич не жалел о своей несдержанности, парень получил по ушам заслуженно, но что делать, если и у него кончится энтузиазм?

Доценко чувствовал огромную усталость, но он понимал: опускать руки нельзя, из игры не выходят на время, чтобы передохнуть, из игры выходят навсегда, выходят и исчезают, становясь незаметными старичками, которых бывшие подчинённые не всегда замечают, встретив на улице.

Евгений Дмитриевич открыл дверь на балкон, через перила протягивались ветви яблонь, лето всё ещё не сдавалось осени, солнце было жарким и слепящим. На стоянку автотранспорта возле здания управления подъехал УАЗик Новокрещёнова, машина стала неуверенно парковаться.

– Ездить ещё не научился, – подумал Доценко, – влетит куда-нибудь, разобьётся, и я, опять же, окажусь виноват: почему не предоставил водителя.

Секретарша Валя, голосом телевизионной дикторши, положила по телефону, что Игорь Георгиевич Новокрещёнов просит войти.

– Пожалуйста, – разрешил Доценко.

Лицо Новокрещёнова сияло, Доценко предположил, что оптимизм теперь его дежурное состояние, независимо от того, как идут дела, улыбаются же американцы при каждом удобном случае.

Новокрещёнов заговорил сбивчиво, но с большим подъёмом, иногда отвлекаясь на несущественные подробности, он рассказал, как следует поступить с узлом слива нефти, чтобы без лишних хлопот оформить документацию. Доценко удивился неожиданной мудрости и опыту Новокрещёнова.

– Но нам всё равно придётся строить навес, укрытие или что-то такое, – возразил он. – А это затраты.

– Нет-нет, не надо! – замахал руками Новокрещёнов. – Ничего не надо, мы разрушим стены, оставив только подпорные столбы, и оформим всё это, как временное сооружение для проведения экспериментально-опытных работ; я уже был в пожарном надзоре, они эту идею поддержали.

– То есть, надо не строить, а рушить?

– Именно так. Васильев насосы и запорную арматуру демонтировал и отвёз в ремонтный цех. Задвижки и обратные клапана проверим опрессовкой, негодные заменим.

– А что по 64-ой Шонгулехской?

Новокрещёнов, посмеиваясь, рассказал о своём визите в областную психиатрическую больницу № 2, найден идеальный выход из ситуации: старика – в дурдом, скважину – в работу.

Доценко был жёстким человеком, когда требовалось – жестоким, но предложение Новокрещёнова его смутило.

– Старика заколют лекарствами до смерти, он и так ветхий.

Неуместное человеколюбие, раздосадовало Новокрещёнова, милосердие в данном случае показалось ему исключительно вредным.

– Евгений Дмитриевич, 64-я Шонгулехская самая перспективная из всех имеющихся скважин, это наше спасение, мы должны срочно определиться, каким количеством нефти располагаем для сдачи, мне уже задавали этот вопрос в НГДУ.

Доценко понимал, что Новокрещёнов прав, медлить нельзя, надо подписывать договор с НГДУ и определять дату первого скачивания, иначе могут отказать, промедление, как говорится, смерти подобно. Тем не менее, он глядел на Новокрещёнова с нескрываемым раздражением: подросток сменщик, скоро смахнёт и его. Что ж, побеждает тот, кто наиболее жесток, этого закона никто не отменял.

– Евгений Дмитриевич, – сказал Новокрещёнов, – нужно составить и подписать бумагу о том, что у Кожина давно замечалось ненормальное поведение, агрессия, угрозы.

Впутываться в эту паршивую историю Доценко не имел никакого желания.

– Так составьте и подпишите. Я при чём?

– Хорошо, я составлю и подпишу. Но когда старик будет признан душевнобольным, его придётся уволить, приказ об увольнении всё равно придётся подписывать вам.

Новокрещёнов наглед, ему следовало опять дать по ушам, но Доценко уже не чувствовал достаточно сил для борьбы с уверенным в себе молодым хищником. Новокрещёнов продолжил:

– Мне нужна бригада строителей, чтобы начать работы по перестройке здания узла скачивания нефти.

– Где её взять?

– Снимите со строительства нового дома.

– Вам квартира не нужна?

– Квартира мне нужна, но я не могу задерживать запуск узла скачивания нефти.

Новокрещёнов был противен Доценко до дрожи, он давил прессом, наращивая усилие, раньше так умел делать только один человек – сам Доценко. Он видел себя в Новокрещёнове, только гораздо более изощрённого и безжалостного, перед ним его ученик, выросший и заматеревший за короткое время.

У Новокрещёнова оставался ещё ряд нерешённых вопросов и пожеланий.

– Вы не могли бы присутствовать, когда старика будут забирать в психиатрическую больницу, это сняло бы многие проблемы.

– Больше ничего не придумали?

– Извините, Евгений Дмитриевич, но мне хочется, чтобы дело не сорвалось. Старик действительно не в своём уме, я не преувеличиваю, но вы, как мне кажется, видите во мне мерзавца.

– Зачем же так грубо? – усмехнулся Доценко. – Вы исполнительный человек, энтузиаст, без таких людей ни одно важное дело не обходится.

Было ясно, что начальник издевается. Ну, не льстит же он, в самом деле. Новокрещёнов заранее знал, что Доценко не станет впутываться в дело пленения старика, но поставить его в условия выбора было необходимо.

– Так вы не приедете? – для верности переспросил он.

– На меня не рассчитывайте, Станюкова пригласите, с ним быстрее столкуетесь, вы чем-то похожи.

Это прозвучало прямым оскорблением, но пронять Новокрещёнова такой мелочью было уже невозможно.

– Я вас понял, – дерзко и даже угрожающе произнёс он, и вышел из кабинета.

13

Сильвестровичу порой чувствовал себя так, словно находится в пространстве, где нет ни живых, ни мёртвых; те люди, которых он давным-давно похоронил, свободно общаются с ним, рассказывают о новостях, только новости эти ограничены их жизнью, о современных событиях они ничего не знают. Вот сказал он кому-то ночью: вчера в Москве танки стреляли по Дому Правительства, но слово «вчера» не было правильно понято, ему пришлось многое объяснять, и в объяснениях он запутался.

Сильвестрович проснулся, на ощупь нашёл на тумбочке сигареты и зажигалку, закурил. Он срочно вернулся в зелёный вагончик, поняв, что нужно находиться здесь: чужие люди могут приехать, запустить скважину так, как запускать не следует, и в результате погубить её. Штуцер должен быть с проходным диаметром четыре миллиметра. Именно этот диаметр был определён Николаем Павловичем Войченко, большие диаметры, тем более отсутствие штуцера, приведут к гибели скважины. Запускать её в работу следует бережно, нужно любить скважину для того, чтобы она дала нефть, кто этого не понимает, нефтяником не станет никогда.

Накануне вечером вновь приезжал нефтевоз, водитель был тот же самый, что и в первый раз; он показал накладные с размазанными фиолетовыми печатями и непонятными подписями, Сильвестрович вновь отказался его загружать. Водитель пожал плечами, но настроен был уже не так нервно.

– Зря вы упираетесь, – сказал он, – далась вам эта скважина, страну разрушили, а вы за какую-то скважину переживаете. Нашли, что хранить.

– Каждый своё хранит, – ответил Сильвестрович.

– Для кого стараетесь? Вам приплачивают за это, что ли?

– Знаешь, что, парень, – рассердился старик, – не учи, без тебя разберусь. Я передал главному инженеру: пусть пришлёт оператора, я расскажу, как обращаться со скважиной. Где оператор?

Сильвестрович вновь вспомнилось недоумённое лицо водителя, он знал этого человека ещё пацаном. Отец его работал вышкомонтажником, иногда брал сына с собой на работу;

мальчик, никому не мешал, уходил в степь, собирал мелкие, разноцветные тюльпаны, чтобы подарить матери. Отец давно умер, а бывший пацан превратился в мясистого мужика с круглыми плечами и выпирающим из-под грязной майки животом. Столько людей родилось, выросло и состарилось на глазах Сильвестровича, а он до сих пор жив. Этот факт был ему страшен и удивителен.

Выйдя ночью из вагончика, он смотрел в чёрное небо, курил и думал о том, что, наверное, в этом необозримом пространстве существует много жилых планет и где-нибудь на одной из них, стоит под звёздным небом такой же старый человек и думает о том же, о чём и он. Тот человек тоже вспоминает женщин, которые были в его жизни, и особенную сердечную боль доставляет ему та, у которой светло-серые, матовые глаза, и которая много раз изменяла ему с другими мужчинами, но, всё же, родила от него дочь. Когда он глядел в глаза Кате, ему казалось, что в дочь переселилась душа матери.

Да, Сильвестрович разбил чужую семью, муж той женщины считал его виновным в своей беде, этому человеку казалось, что женщина может жить с человеком, которого не любит, и терпеть, но эта женщина не захотела терпеть. Сильвестрович хотел жениться на ней, и не женился лишь потому, что она, после разрыва с мужем и рождения дочери, продолжала жить так, как привыкла. Только изменяла уже не мужу, а Сильвестровичу. Однажды, не выдержав, он сказал ей:

– Что ты творишь? Разве не видишь, что я тебя люблю?

Она лишь пожала плечами в ответ.

– По-другому не умею.

Ранним утром прикатил на своём израненном «Жигулёнке» Рустем, привёз брынзы, молока, творогу, хлеба и сигарет.

– Ещё что-то нужно?

– У тебя есть патроны с крупной дробью?

– Есть.

Рустем достал из кармана брезентовой куртки, в которой ходил в любое время года, два картонных цилиндра. Он не спросил Сильвестровича, зачем ему патроны с крупной дробью, он никогда ни о чём не спрашивал, просто выполнял его просьбы.

– Хватит?

Сильвестрович сделал неопределённый жест ладонью, который можно было понимать, как угодно, он и сам точно

не знал, понадобятся ли ему эти патроны, и хватит ли этих двух. Крупной дробью, если попасть точно, можно убить человека.

В половине восьмого появился Михаил Васильев, приехал на попутках.

– Почему так рано? – спросил Сильвестрович, отворяя ворота, запиравшиеся на ночь мощным амбарным замком.

Сильвестрович попытался поставить чайник на газовую плиту, но Михаил остановил его:

– Не надо, времени мало.

– Что случилось?

– Скоро приедут вас штурмовать, я решил, что надо предупредить.

Сильвестрович рассмеялся:

– Доценко танки заказал в воинской части?

– Танков, я думаю, не будет, но к скважине прорваться попытаются.

Сильвестрович потрогал небольшие шишки на лысой голове, даже осторожно почесал каждую из них, потом снял очки и положил их на липкую, вытертую добела, клеёнку стола.

– Миша, мне жалко скважину. И страну жалко. Тебе ещё долго жить, ты увидишь, что бывает после того, как начинают стрелять в людей.

– Сильвестрович, пусть забирают нефть, вы всё равно их не остановите.

– Но я же им не препятствую, скважина для того и существует, чтобы брать из неё нефть, только не надо её при этом губить. Я же просил главного инженера прислать оператора.

– Расскажите мне, как запускать скважину.

– Тебе зачем?

– Ну, предположим, я оператор.

– Хорошо, так даже лучше, – пожал плечами Сильвестрович, – ещё неизвестно, кого пришлют.

Они вышли из вагончика, закурили, подёрнутый дымкой диск солнца давно уже вышел из-за горизонта, день обещал быть жарким. Михаил чувствовал тягостное томление в груди, так всегда бывало при близости неприятного события, проще говоря, беды.

Покуриив, подошли к скважине. Фонтанная арматура пахла свежей краской, она была недавно покрашена в голубой цвет,

фланцы задвижек – в красный. Сильвестрович провёл ладонью по коренной задвижке, словно глядя её.

– Запомнишь, или записывать будешь? – спросил он Михаила.

– Запомню.

Инструктаж занял не больше пятнадцати минут.

14

Напряжение стало концентрироваться над «пятым углом» ближе к полудню, в окно вагончика Сильвестрович увидел, как подъехала «летучка» – машина с будкой в кузове, где в пассажирском отсеке помещалась ремонтная бригада, а в грузовом – сварочный и газорезный аппараты. «Летучка» остановилась в тени невысоких деревьев, рабочие закурили и завалились в высохшую за лето траву. Михаил Васильев, заранее выйдя с территории склада, теперь сидел в кабине «летучки», рядом с шофёром.

Появилась «Скорая помощь», остановилась поодаль, два больших мужика, одетых в одинаковые халаты серого цвета, тоже закурили, на бригаду ремонтников даже не взглянули.

Потом появился на УАЗике Новокрещёнов, он подошёл к «летучке» и принялся что-то возбуждённо говорить Васильеву, Сильвестрович уловил лишь последнее предложение, сказанное громким, на нерве, голосом:

– Я не собираюсь никого уговаривать!

К удивлению Сильвестровича, подъехал на «Жигулёнке» Рустем, подошёл к мужикам, стоящим возле «Скорой помощи» и что-то у них спросил. Мужики ответили неохотно.

Последним прибыл главный инженер Станюков на «Волге».

Сильвестрович снял со стены ружьё и зарядил его патронами, которые дал ему Рустем.

Станюков послал шофёра, тот пригласил Новокрещёнова и Васильева, они подошли к Станюкову.

Новокрещёнов был возбуждён, он ещё не остыл после разговора с Васильевым.

– Поступило предложение ещё раз попытаться уговорить старика, – сказал он Станюкову, – я возражаю категорически. Это ущерб авторитету и напрасная трата времени.

Станюков сидел, приоткрыв дверь «Волги», выставив наружу колено, обтянутое синими джинсами. Горячность

Новокрещёнова ему не нравилась, так же, как и вся эта затея, он видел, что Доценко свалил на него грязную работу, которая могла иметь неприятные для репутации главного инженера последствия.

– Что скажите вы, Михаил Александрович? – поинтересовался он у Васильева.

– Сергей Семёнович, вы обещали прислать к Григорию Селивёрстовичу оператора для обучения, но не прислали. Григорий Селивёрстович беспокоится о том, что скважину запустят в работу неправильно и в дальнейшем с ней будут проблемы. Давайте цивилизованно решим вопрос.

– Вы, я вижу, имели со сторожем предварительную беседу и обсудили условия капитуляции? Вы у него парламентёром, что ли?

Не в силах сдержаться, Новокрещёнов перебил:

– Мы с каждым сторожем будем искать общий язык? Вы соображаете, что говорите, Васильев? Это и есть цивилизованный подход?

– Действительно, как-то странно, – поддержал Новокрещёнова Станюков, – так дело не пойдёт. Кто он такой, этот сторож, чтобы диктовать нам условия?

– Но ведь он не просто сторож, он пробурил эту скважину, знает особенности её запуска в работу и эксплуатации. Почему вы не хотите воспользоваться его опытом, Сергей Семёнович?

Михаил понимал: неважно, что орёт в начальственном маразме Новокрещёнов, главное, что решит главный инженер.

– Видите ли, Васильев, я окончил институт по специальности «Разработка нефтяных и газовых месторождений», имею горный допуск и в состоянии разобраться, как запустить в работу любую скважину, – сказал Станюков. – Что предлагаете вы? Воспользоваться услугами малограмотного, не имеющего никакого образования, человека? Как выяснилось, ещё и душевнобольного.

– У вас, у самого-то, Васильев, с головой всё в порядке? – вставил Новокрещёнов.

– Давайте, без грубостей, Игорь Георгиевич, – примирительно заметил Станюков. – Мне говорили, что у старика есть ружьё. Это так?

– Вполне возможно, он охотник, – пожал плечами Михаил.

– Может этот охотник устроить стрельбу, когда мы будем открывать ворота склада? Как вы считаете?

Вопрос был провокационным, Михаил не мог поручиться за Сильвестровича, можно ли быть уверенным в человеке, который был расстрелян и лежал во рву?

– Откуда я могу знать? Я его об этом не спрашивал.

– Убить не убьёт, но, если хотя бы раз выстрелит, скандал будет грандиозным, – сказал Новокрещёнов. – Может быть, милицию подключим, Сергей Семёнович?

– Даже и не думайте, только милиции здесь не хватало.

Станюков был осторожным человеком и просчитывал ситуацию на много ходов вперед. Ничего хорошего этот штурм под руководством высокого должностного лица не предвещал. Особенно для самого высокого должностного лица. Нужно найти другие пути решения проблемы. Они пока что на ум Станюкову не шли, и он сказал:

– Мероприятие придётся временно остановить. Мы не имеем права рисковать жизнью людей.

Это решение показалось Станюкову умным и убедительным, и он повторил:

– Никаких штурмов. Мы здесь не кино снимаем, потом хлопот не оберёшься.

Лицо Новокрещёнова после этих слов приобрело трагическое выражение.

– Когда будут готовы насосы? – спросил Станюков Васильева.

– На ремонт нужно не меньше недели, а то и больше, как дело пойдёт.

– Вот видите, Игорь Георгиевич, можно не торопиться.

Перед тем, как захлопнуть дверцу «Волги» Станюков ещё раз повторил:

– Никаких штурмов!

После этого махнул водителю рукой, давая команду ехать. Машина развернулась и резво запылила по просёлочной дороге.

Васильев сказал, подавив вздох облегчения:

– Команда получена.

Новокрещёнов молчал, лицо его замерло, словно маска.

– Скажи, чтобы резали петли на воротах, – приказал он Васильеву.

– Какие петли? Ты что сдурел? Была команда отставить.

– А я даю другую команду.

– Ты не имеешь права.

– Имею. Станюков не является моим прямым руководителем. «Нефтепром» – обособленное предприятие, где начальником я. Только я могу принять решение или его отменить.

– Не надо лезть на рожон. Хочешь, я тебе кое-что расскажу про этого старика?

– Не надо ничего рассказывать, мне это не интересно. Скажи, чтобы резали петли на воротах.

– Скажи сам.

Поняв, что спорить бесполезно, Новокрещёнов подошёл к рабочим и дал команду. «Летучку» подогнали задним бортом к воротам для того, чтобы резчик смог достать верхнюю петлю. Сгрузили синий кислородный баллон, отнесли его в сторону, другой баллон – с пропаном, красного цвета, отнесли в другую сторону. Стали протягивать шланги, присоединять к баллонам редукторы. Резчик Аджоев с седыми кудрями, вылезавшими из-под кожаной фуражки, нацепил очки с тёмными стёклами и залез в кузов. Когда он поджёг резак, и из него с шипением заструилось красновато-синее пламя, дверь вагончика отворилась, и вышел Сильвестрович с двустволкой в руке. Молча стоял и глядел на Аджоева.

Новокрещёнову вновь повезло, но он не догадывался об этом, даже Васильев не знал о том, какая тайна связывает двух этих людей – Сильвестровича и Аджоева.

Аджоев на пенсии, детей у него нет, жена давно умерла. Станный человек с угрюмым выражением лица.

Глядя на то, как замерли Сильвестрович и Аджоев, Михаил почувствовал, что-то неладное, без причины так друг на друга не смотрят.

Новокрещёнов прошептал Васильеву:

– Убеди старика, чтобы он не стрелял, скажи, что у него будут неприятности.

Сильвестрович и Аджоев глядели друг на друга достаточно долго. Сильвестрович держал двустволку стволом к земле, он не выглядел агрессивным. Аджоев сказал ему хрипловато и презрительно:

– Стреляй, сволочь, ты меня уже убил один раз, когда увёл жену, потом второй раз, когда забрал дочь.

– Это моя дочь, – ответил Сильвестрович, и было видно, что он уверен в своих словах.

Больше говорить было не о чем, два старых человека глядели друг на друга и молчали. Каждый из них, может быть, вспоминал ночи с женщиной, которая была им женой. Женщина была порочна и не верна, ни тому, ни другому, они помнили её именно такой, и именно такой любили, потому что от запаха её тела кружилась голова, и от звука глуховатого, насмешливого голоса разрывалась грудь. Любовь являлась главным занятием в её жизни, поэтому ласки были так откровенны и бесстыдны. Никакие другие женщины заменить её не могли. И тот, и другой помнили, как они пытались удержать её возле себя, но оба поняли, что это невозможно, и отступились. Теперь им хотелось найти виновного в том, что не удалось прожить жизнь с той женщиной, но виновных не было. Жизнь вяло тянулась к концу, та женщина умерла, так и не утолив свою неуёмную жажду любви. Каждому из своих мужчин она дарила по щепотке счастья, этой щепотки оказывалось недостаточно, и она оставляла мужчин со жгучим желанием продления счастья с ней; но мужчины не понимали, что продлённое счастье горчит, поэтому оно не нужно и лишь омрачает настоящее счастье, что было раньше.

Сильвестрович так и не поднял двустволку, не приложил её к плечу, и не прицелился, он понимал, что Аджоев не только не боится этого выстрела, но и ждёт его. Этот выстрел станет его победой.

Аджоев подождал ещё некоторое время, потом направил пламя горелки на петлю ворот. Хорошо прогрел петлю, он дал продувку, полетели искры. Сильвестрович положил двустволку на ящик с песком, стоявший возле пожарного щита неподалёку от ворот, повернулся и, сутулясь сильнее, чем обычно, направился к вагончику.

Аджоев перерезал верхнюю петлю, створка ворот косо повисла на нижней.

– Почему он не стал стрелять? – воскликнул Новокрещёнов, всё ещё не веря в своё везение.

– Потому что в людей стрелять нельзя, – ответил Васильев, он уже догадался, зачем появилась «Скорая помощь» и кто эти два больших мужика.

Отогнали в сторону «летучку», чтобы не мешала, и Аджоев перерезал нижнюю петлю створки ворот. Створка рухнула, повернувшись на дужке амбарного замка. Сразу же после этого

появился врач из «Скорой помощи», он подошёл к Новокрещёнову и сказал:

– Мы приступаем. Надеюсь, у старика нет ещё одного ружья?

Два больших мужика, осторожно перешагнув сбоку через упавшую створку, пошли к зелёному вагончику, открыв дверь, исчезли в нём.

– Рукоприкладства не будет? – поинтересовался Новокрещёнов у врача.

– Мы работаем профессионально, – ответил врач.

Васильев был уверен, что Сильвестровича свяжут, но его не связали, видимо, как-то договорились. Сильвестрович вышел первым и неторопливо побрёл к воротам, заложив руки за спину, ссутулив плечи и не поднимая головы. Михаил подумалось, что ко рву Сильвестрович шёл точно также. Мужики шли следом, но как-то поодаль, словно не имея отношения к пленнику.

Врач торопливо пожал на прощанье руку Новокрещёнову, хотел пожать Васильеву, но тот отвернулся.

Рабочие сматывали шланги и грузили в «летучку» баллоны, собираясь уезжать, однако Новокрещёнов остановил их:

– Подождите, можете запустить в работу скважину.

– Я запущу, – сказал Васильев, – я знаю, как это делать.

Новокрещёнов догадался, откуда взялись эти знания, и противиться не стал.

Васильев подошёл к фонтанной арматуре, открутил лежащей рядом монтировкой крышку на штуцерной камере, извлёк планку, вставил туда штуцер, висевший тут же на проволоке, вновь закрутил крышку и с силой подтянул её для надёжности. Полностью открыл коренную задвижку, потом, приложив ухо к тройнику фонтанной арматуры, стал приоткрывать задвижку на трубном выкиде. Он дождался, пока свист перейдёт в ровный звук струящегося потока, и открыл задвижку сильнее.

Новокрещёнов снисходительным взглядом наблюдал за этими манипуляциями.

Прошло ещё минут пять, прежде чем Михаил решился открыть задвижку полностью. Звук потока в лифте стал упруг и надёжен. Нефть поступала в стокубовую ёмкость, расположенную в отдалении.

– Какой ты поставил штуцер? – спросил Новокрещёнов.

– Четыре миллиметра.

– Ты что, смеёшься? Для такой скважины нужно не меньше десяти.

– Такой шуцер рекомендован для оптимальной работы.

– Кем рекомендован? Выжившим из ума стариком? Моя специальность, как и у Станюкова «Разработка нефтяных и газовых месторождений», давай договоримся: каждый занимается своей работой. Механику незачем лезть туда, где он ничего не соображает.

Речь Новокрещёнова была рассчитана на публику, рабочие, посмеиваясь, слушали этот нравоучительный монолог.

– Есть десятимиллиметровый шуцер?

– Откуда я знаю?

– Закрой задвижку, найди его и поставь, чем больше диаметр шуцера, тем больше дебит скважины, этого тебе старик не говорил?

– Он говорил, что угробить скважину проще всего.

– Это не его дело. И не твоё. Меняй шуцер.

– Сам меняй.

– Хорошо, заменю я.

Новокрещёнов картинно снял пиджак и бросил его на сиденье машины, засучил рукава модной белой рубашки в мелкую клетку. Он праздновал победу, ничто не могло омрачить его радости.

– Дайте мне рукавицы, – приказал он, обращаясь сразу ко всем, а не к кому-то персонально.

Рукавицы немедленно дали. Новокрещёнов подобрал шуцер из тех, что висели на штурвале задвижке на проволоке, остановил скважину, заменил шуцер в шуцерной камере, и вновь пустил скважину в работу, открыв задвижку. Поток, судя по звуку в трубном выкиде, стал интенсивней. Новокрещёнов постоял некоторое время, прислушиваясь. Удовлетворённо кивнув, закрыл задвижку.

– Если ты и дальше намерен так себя вести, Михаил, – сказал он Васильеву, – мы не сработаемся, и ты останешься без квартиры.

Новокрещёнов бросил рукавицы на землю, подошёл к машине, тщательно вытер руки носовым платком, надел пиджак. Он собирался было сесть за руль, но решил, что высказал ещё не всё, что накипело, одержанная победа давала ему такое право.

– Сегодня буду говорить о тебе с Доценко. Надо решать вопрос.

Васильев не спеша подошёл к нему, Новокрещёнов продолжал:

– Ты должен научиться подчиняться, ничего другого тебе не остаётся. Надо понять, что настали другие времена. Востребованы люди не только опытные и технически грамотные, но и хорошо управляемые. И это самое главное. Тот, кто неуправляем, будет выброшен на свалку, в мусор, и это справедливо.

Первый удар пришёлся не совсем удачно, куда-то в скулу, вскользь, Михаилу давно не приходилось драться, он разучился бить хладнокровно и точно. Зато вторым ударом он разбил Новокрещёнову нос. Новокрещёнов зажал нос ладонью, чтобы не шла кровь. Следующий удар угодил в челюсть, и генеральный директор повалился на землю.

– Больше не бей, – попросил Новокрещёнов.

– Больше не буду, – пообещал Михаил.

«Пятый угол» загорелся ночью. Из-за удалённости склада о пожаре сообщили поздно, когда огонь разошёлся вовсю.

Рустем наблюдал за пожаром, с небольшой возвышенности, не выходя из-за руля «Жигулей», овцы разбрелись по степи, он не обращал на них внимания. Он глядел на зарево, ярко освещавшее тьму, неподвижно и зачарованно, и лишь когда раздался оглушительный взрыв стокубовой емкости, от которого вздрогнул свежий ночной воздух, прикрыл глаза и сидел так несколько минут.

Ближе к утру прибыл военизированный отряд по тушению открытых нефтяных и газовых фонтанов. Все задвижки на фонтанной арматуре оказались открытыми, это не могло быть случайным, налицо преступление, но с какой целью злоумышленник совершил его, было непонятно.

Ликвидировать пожар удалось лишь к вечеру.

г. Мытищи, Московская обл.